

ГЕРЦЕН, ОГАРЕВ И «МОЛОДАЯ ЭМИГРАЦИЯ»

I. ИЗ ПЕРЕПИСКИ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЭМИГРАНТОВ. ПУБЛИКАЦИЯ Б. КОЗЬМИНА.— II. К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ А. И. ГЕРЦЕНА и Н. П. ОГАРЕВА с М. А. БАКУНИНЫМ. ПУБЛИКАЦИЯ З. КЕМЕНОВОЙ.— III. К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ А. И. ГЕРЦЕНА и Н. П. ОГАРЕВА с «ЗЕМЛЕЙ И ВОЛЕЙ». 1860-х ГОДОВ. ПУБЛИКАЦИЯ Е. КУШЕВОЙ.— IV. К БИОГРАФИИ И. И. КЕЛЬСИЕВА. ПУБЛИКАЦИЯ И. ЗВЕРЕВА.— V. ЛИСТОВКА А. А. СЕРНОСОЛОДЧЕВИЧА ПРОТИВ Н. П. ОГАРЕВА. ПУБЛИКАЦИЯ Ф. ФРЕЙДЕНФЕЛЬДА.— VI. ПИСЬМО Е. В. САЛИАС М. А. БАКУНИНУ. ПУБЛИКАЦИЯ М. КЛЕВЕНСКОГО.— VII. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОКЛАМАЦИИ ЖЕНЕВСКОЙ ТИПОГРАФИИ 1869—1870 гг. ПУБЛИКАЦИЯ Е. КУШЕВОЙ.— VIII. К ИСТОРИИ НЕЧАЕВЩИНЫ. ПУБЛИКАЦИЯ Б. КОЗЬМИНА и С. ПЕРЕСЕЛЕНКОВА.— IX. АНОНИМНАЯ БРОШЮРА О ГЕРЦЕНЕ 1870 г. ПУБЛИКАЦИЯ Б. КОЗЬМИНА

Вступительная статья Б. Козьмина

В шестидесятые годы прошлого столетия состав русской политической эмиграции значительно изменился по сравнению с прежним. На ряду со «старой» эмиграцией, дворянской по своему происхождению, образуется новая эмиграция, «молодая», отличавшаяся от старой по своему социальному происхождению. Она состояла из представителей тех «разночинцев», выступление которых на историческую арену в качестве активной политической силы является характерной чертой этой эпохи. Среди «молодых» эмигрантов мы находим людей, принимавших непосредственное и деятельное участие в революционных событиях, происходивших в России. Некоторые из них были вынуждены скрываться за границу из-за неминуемо грозящего им в России ареста. Другие бежали за рубежи царской империи из тюрьмы и ссылки. В среде «молодой эмиграции» можно было встретить и участников студенческого движения, бурно прокатившегося осенью 1861 г. по университетским городам России (Н. И. Утин, И. И. Кельсиев, Е. К. Гижицкий), и членов крупнейшей революционной организации 60-х гг. — тайного общества «Земля и Воля» (М. С. Гулевич и тот же Утин), и участников казанского заговора 1863 г. (С. Я. Жеманов, А. Я. Шербаков), и людей, привлекавшихся по другим политическим процессам того времени (Н. И. Жуковский, М. К. Элпидин). Эта молодежь воспиталась на сочинениях Чернышевского и Добролюбова и с гордостью называла себя их учениками.

На ряду с эмигрантами, покинувшими Россию в результате своего активного участия в революционных организациях и выступлениях, в кружках эмигрантов можно было встретить людей, легально уехавших из России и не имевших в виду порывать связи с нею и отказываться от возвращения на родину. Это были частью молодые люди, отправившиеся на Запад в целях закончить свое образование в западноевропейских университетах, а частью туристы, покинувшие на время Россию для того, чтобы подышать «свободным» воздухом Западной Европы, познакомиться с ее политическими порядками, а при случае — и без особой опасности для себя — дать исход своему оппозиционному настроению. Такие люди более или менее открыто принимали участие в различных предприятиях эмиграции. По словам одного из тогдашних эмигрантов, впоследствии раскаявшегося и вернувшегося в Россию, К. Маркс однажды сказал про людей этого типа: «Между русскими встречаются странные личности, они живут за границей, называют себя эмигрантами, говорят не иначе как под секретом; несмотря на то, что называют себя эмигрантами, боятся на каждом шагу скомпрометироваться; а потом, смотришь, возвращаются себе в Россию и живут себе там преспокойным образом»¹.

Тяга русской молодежи в заграничные университеты особенно усилилась в 1861—1862 гг. под влиянием закрытия правительства, в связи со студенческими волнениями осени 1861 г., Петербургского университета. Это явление даже обратило на себя внимание следственной комиссии, учрежденной правительством в 1862 г. для расследования дел о политических преступлениях. Председатель этой комиссии, кн. Голицын во всеподданнейшем докладе, поданном царю 30 июня 1862 г. между прочим писал: «Усилившиеся под предлогом усовершенствования в науках поездки

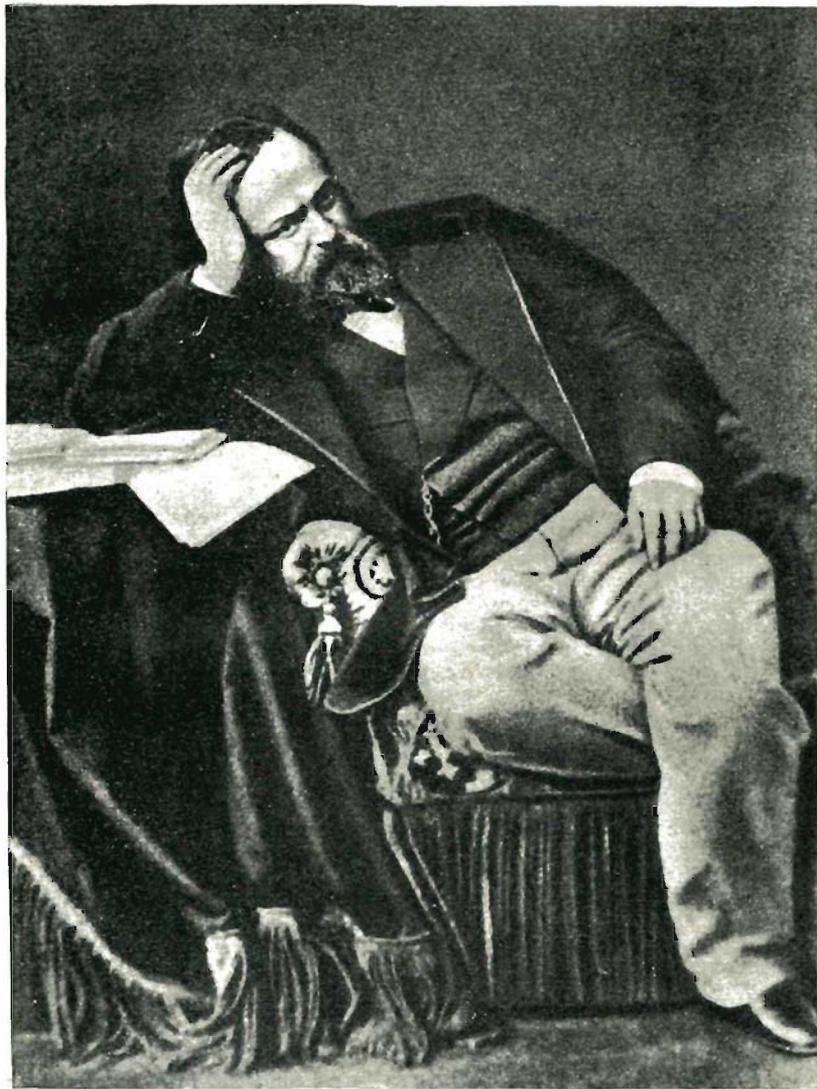
за границу многих студентов и других лиц учебного ведомства составляют для них большею частью... одну лишь возможность быть в личных сношениях с находящимися там русскими и иностранными изгнанниками. Пользуясь сим случаем, они заимствуют от этих людей вредными для правительства идеями и по возвращении в Россию рассеивают здесь различные ложные убеждения»².

В приведенную цитату необходимо ввести одну серьезную поправку. Увлеченный мыслью, что источник «революционной заразы» надо искать не в России, а за границей, кн. Голицын чрезмерно преувеличивает значение эмиграции. Подавляющее большинство молодежи, отправляющейся в заграничные университеты, еще на родине успевало проникнуться «вредными для правительства идеями» и приезжало на Запад с более или менее сложившимся мировоззрением. В идеальном отношении русским заграничным студентам нечего было уже брать от эмиграции. К тому же издания герценовской типографии пользовались настолько широким распространением в тогдашней России, что большинство молодежи уже на родине было знакомо с ними.

Несмотря на указанную нами ошибку, приведенная выше цитата из доклада Голицына представляет большой интерес, показывая нам, что уже летом 1862 г. скопление русской учащейся молодежи за границей обратило на себя внимание органов русского политического розыска и что уже тогда этим органам стала известна связь, установившаяся между учащейся молодежью и эмигрантами.

Влияние Герцена и широкая популярность его изданий еще и в эти годы находились в «апогее». Молодые русские революционеры не могли не ценить деятельности человека, посвятившего все свои силы революционной пропаганде. Однако в их среде уже тогда были люди, отнюдь не сознававшие себя полными единомышленниками издателя «Колокола» и сумевшие разглядеть в его деятельности на ряду с сильными и слабые стороны. Молодежь, воспитавшаяся на сочинениях Чернышевского, не могла не ставить Герцену в вину его колебаний между демократией и либерализмом и его упорных надежд в возможности убедить царское правительство в необходимости коренных реформ русской политической жизни. Если в первые годы царствования Александра II, когда курс нового правительства недостаточно еще выяснился, Чернышевский, который, по его собственным словам, «уж имел тогда образ мыслей, не совсем одинаковый с понятиями Герцена и, сохраняя уважение к нему, уж не интересовался его новыми произведениями»³, был блестящим исключением в рядах русской интеллигенции, то к концу 50-х годов положение значительно изменилось в этом отношении. Резкие выступления Герцена в 1859 и 1860 г. против Чернышевского и его политических друзей многим открыли глаза. Чрезвычайно характерный в этом отношении эпизод мы находим в «Дневнике» Добролюбова. Известно, как поражен и оскорблен был Добролюбов статью Герцена «Very dangerous!!!». Бывший до этого горячим поклонником издателя «Колокола», он заносит в свой дневник (5 июня 1859 г.) следующую негодующую тираду по его адресу: «Однако, хороши наши передовые люди! Успели уж пришить в себе чужое, которым прежде чужды призыв к революции, где бы он ни слышался и в каких бы формах ни являлся. Теперь уж у них на уме мирный прогресс при инициативе сверху, под покровом законности». Однако не на эти взволнованные строки Добролюбова хотели бы мы обратить внимание читателей, а на следующий за ними рассказ Добролюбова о том, как реагировал на статью Герцена приятель Чернышевского и Добролюбова доктор И. М. Сорокин: «смеется и отзывается неуважительно о всем «Колоколе», попрекая им Герцена. Уверяет, что молодые люди понимают тенденции «Современника» и им сочувствуют»⁴. Эта запись Добролюбова чрезвычайно показательна. На примере доктора Сорокина мы можем убедиться, что еще до выступления Герцена против круга «Современника» в России были уже люди скептически относившиеся к «Колоколу» и его издателю и ценившие тенденции «Современника» больше, чем идеи Герцена. Другими словами, уже тогда в кругах русской революционно настроенной молодежи на ряду с безусловными поклонниками «Колокола» были и его противники. При этом, по мере развертывания революционной борьбы, число их возрастало с каждым годом. Поэтому нас не удивит прямой и резкий выпад против «Колокола» и его издателя, который мы находим на страницах знаменитой прокламации П. Г. Заичневского «Молодая Россия» (май 1862 г.). Несмотря на свое «глубокое уважение к А. И. Герцену, как публицисту, имевшему на развитие общества большое влияние, как человеку, принесшему России громадную пользу», автор прокламации заявляет, что «Колокол» не может служить не только полным выражением мнений революционной партии, но даже отголоском их». Указывая на «конституционный» характер «Колокола», Заичневский писал далее о Герцене: «Его надежды на возможность принесения добра Александром или кем-нибудь из императорской фамилии; его близорукий ответ на письмо человека, говорившего, что пора начать бить в набат и призвать народ к восстанию, а не либерализничать»⁵; его совершенное незнание современного положения России, надежда на мирный переворот; его отвращение от кровавых действий, от крайних мер, которыми одними только можно что-нибудь сделать, — окончательно уронили журнал в глазах республиканской партии»⁶.

В этих словах «Молодой России» в краткой форме выражены все те упреки и обвинения, которые впоследствии пришлось выслушать Герцену со стороны представителей «молодой эмиграции». Однако не надо забывать, что «Молодая Россия» стояла на крайнем левом фланге и что далеко не все русские революционеры того времени были согласны с ее направлением. Нельзя игнорировать и того обстоятельства, что еще летом 1862 г. из среды русской революционной молодежи



ГЕРЦЕН

Фотография 1861 г.

Литературный музей, Москва

раздались голоса в защиту Герцена, травимого агентом русского правительства Шедо-Ферроти. Мы имеем в виду изданную в это время в Петербурге прокламацию студента П. С. Мошкалова «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти» и другую прокламацию аналогичного содержания, написанную Д. И. Писаревым, но не увидевшую в то время света в виду разгрома тайной типографии, в которую она была направлена для отпечатания⁷.

В дальнейшие годы популярность Герцена среди русских революционных кружков продолжала падать. Не без ехидного злорадства один из политических противников Герцена писал ему в 1864 г.: «Если б только вы могли невидимую

побывать в России и заставить врасплох вашу школу? Вы увидели бы, как 14-летние гимназисты улыбаются, глядя, как еще проступает в Герцене старый человек»⁸. Если в этих словах и имеется доля шаржа, то в основном все же правильно констатируется падение популярности Герцена среди русских революционеров, резко отразившееся в первую очередь на распространении его изданий в России. Молодые революционеры перестают интересоваться тем, что пишет Герцен. Это было жестоким ударом для издателя «Колокола».

Естественно, что анти-герценовские настроения росли не только среди революционеров, оставшихся в России, но и среди эмигрантов. На этой почве между Герценом и «молодыми» эмигрантами произошел ряд столкновений, закончившихся полным разрывом. Однако столкновениям и разрыву предшествовал ряд попыток сблизиться с Герценом на деловой революционной почве и поработать с ним. На этих попытках мы, в первую очередь, и остановимся.

I. РУССКАЯ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАЯ КОЛОНИЯ 1861—1863 гг. И ГЕРЦЕН⁹

В 1863 г. III Отделение, отмечая тягу русской молодежи в заграничные учебные заведения, констатировало, что особенное скопление русских находится в Гейдельберге, Карлсруэ и Цюрихе. По сведениям III Отделения, в Гейдельберге в это время находилось 60 русских студентов (не считая поляков)¹⁰. Однако, просматривая список этих 60 студентов, мы не находим в нем ряда лиц, о пребывании которых в Гейдельберге нам известно из других источников. Таким образом, действительное число русских студентов в Гейдельберге было значительно больше. Недаром один современник впоследствии писал: «В то время Гейдельберг был город, переполненный русскими, особенно учащейся и неучащейся молодежью. Она встречалась массами на каждом шагу»¹¹. Действительно, и на улицах Гейдельберга, и в табль-д'отах гостиниц, и в университете, и в кафе, и в театре русский язык преобладал над всеми другими, даже над немецким.

Выбору русскими именно этого маленького городка способствовали, во-первых, дешевизна жизни в нем по сравнению с более крупными городами, а во-вторых, то обстоятельство, что Гейдельбергский университет славился в то время блестящим составом своих преподавателей. Достаточно указать, что среди его профессоров были такие знаменитости, как физиолог Гельмгольц, химик Бунзен, физик Кирхгоф, историк Шлюссер, юристы Блунчли и Миттермайер.

Вот почему скопление русской молодежи в Гейдельберге в 1862 г. было настолько велико, что этот город стал как бы наполовину русским.

Среди живших в то время в Гейдельберге русских находились люди, еще в России принимавшие участие в революционных конспирациях, как, например, В. И. Бакст — видный деятель студенческого движения, еще в 1861 г. заподозренный в том, что он печатал прокламации в принадлежавшей ему легальной типографии в Петербурге, и В. Ф. Лугинин, состоявший, по сообщением А. А. Слепцова и Л. Ф. Пантелеева, членом организации, выпускавшей прокламации «Великорусс»¹². На ряду с этим в Гейдельберге было много людей, приобретших впоследствии известность на различных поприщах, как то: будущий лаврист, сотрудник «Вперед» — А. Л. Линева, Н. Д. Ножин, оказавший большое влияние на умственное развитие Н. К. Михайловского, его друг А. П. Мальшинский, в то время ярый революционер, а впоследствии издатель журнала «Вольное Слово», организованного на средства «Священной дружины», граф П. П. Шувалов, один из организаторов этой самой дружины, известный впоследствии поэт К. К. Случевский, тоже известный впоследствии реакционный публицист, сотрудник «Московских Ведомостей» и «Нового Времени», близкий к кругам политической полиции Г. С. Веселитский-Божидарович, в то время настроенный очень радикально (если только он уже тогда не был провокатором, подосланным III Отделением), будущие видные ученые: В. И. Сергеевич, В. И. Герье, Е. В. де-Роберти, А. О. Ковалевский и др.

Центром, где собиралась вся жившая в Гейдельберге русская молодежь, являлась читальня, организованная весной 1862 года. В этой читальне, на ряду с легальными русскими книгами и журналами можно было найти издания Герцена, мало-доступные в России социалистические сочинения и книги немецких материалистов: Бюхнера, Молешотта и Фогта. Читальня, организованная по инициативе братьев Бакстов, Лугинина, Линева, Веселитского и др., была в то же время своего рода клубом, где постоянно собиралась русская молодежь и где устраивались собрания, на которых, по сведениям III Отделения, «произносились демагогические и коммунистические речи».

Сообщая в письме к одному из своих знакомых об открытии русской читальни, Линева писал, что цель ее — «выработка, осмысление либеральных идей, возможное распространение их между приезжающими молодыми людьми». «Читальню эту, — сообщал Линева, — завели несколько действительно развитых людей, принадлежавших к партии так называемых «красных», которые, будучи хорошими знакомыми Герцена и, вообще, всех трех лондонских старичков [т. е. Герцена, Огарева

и Бакунина — Б. К.] и видя, какое освежающее влияние делает беседа с такими личностями, как Герцен, хотели и в Гейдельберге устроить такое же общество, дабы поддержать, пропагандировать и укреплять его направление»¹³. Членов читальни было до шестидесяти; в их число, по свидетельству того же Линева, принимались только лица, известные своим либеральным направлением.

Из письма Линева видно, что Герцен пользовался еще значительным авторитетом среди гейдельбергского студенчества. Их уважение и симпатии к издателю «Колокола» ярко проявились, когда Гейдельберг посетил сын Герцена. В честь молодого Герцена был устроен торжественный обед, сопровождавшийся произнесением приветственных речей. Ораторы подчеркивали, что в лице сына они чувствуют отца. Таким образом, гейдельбергский обед принял характер политической демонстрации против русского правительства. Но это была не единственная демонстрация, устроенная русскими гейдельбержцами. В 1862 г. в Гейдельберг приехал граф Путятин, бывший министр народного просвещения, по распоряжению которого в 1861 г. был закрыт Петербургский университет. Узнав о приезде Путятина, русская молодежь устроила кошачий концерт перед гостиницей, в которой он остановился. Перепуганный Путятин поспешил покинуть Гейдельберг¹⁴.

Много разговоров в свое время вызвал также суд, устроенный гейдельбергской молодежью над И. С. Тургеневым, по случаю выхода его романа «Отцы и дети», в котором молодежь усмотрела «клевету на молодое поколение». Поставленный в известность о предстоящем суде, Тургенев счел необходимым представить гейдельбержцам свои объяснения и оправдания. В письме к одному из них, К. К. Случевскому, он уверял, что его роман «направлен против дворянства». «Мне очень было приятно слышать, — писал он позднее тому же Случевскому, — что молодые не окончательно меня осудили; я могу сказать только то, что каков я был до сих пор, таков и остался, — и если меня любили прежде, то разлюбить пока еще не за что»¹⁵.

Для характеристики политического настроения гейдельбергских студентов стоит упомянуть также и о том, что, узнав о ране, полученной Гарибальди во время одного из сражений, они обратились к знаменитому хирургу Н. И. Пирогову, жившему в то время в Гейдельберге, с просьбою поехать в Италию и произвести Гарибальди операцию. При этом они собрали между собою тысячу франков на поездку Пирогова, от которой тот, однако, отказался¹⁶.

Если к сказанному выше прибавить, что гейдельбергские студенты производили сборы денег в пользу эмигрантов и на «русское дело» (как они выражались), размножали при помощи литографского камня и от руки адрес царю с требованием конституции, написанный Огаревым, а также письма Огарева по поводу политического и экономического положения России, и, наконец, пользуясь своими связями с родиной, переправляли эти документы туда для распространения, то станет ясно, какую интенсивную в политическом отношении жизнь вела в то время русская гейдельбергская колония.

Несомненно также и то, что члены этой колонии принимали участие в выходившей в то время за границей русской эмигрантской прессе — в частности в изданиях Герцена (например, «Письмо из Гейдельберга», № 169 «Колокола»), в «Свободном Слове» Л. Блюммера и в журнале «Правдивый», издававшемся в Лейпциге книгопродавцем В. Гергардом и выходившем первоначально при ближайшем участии кн. П. Долгорукова, а затем, после ссоры последнего с издателем, переименованном в «Правдолюбивого». Так, например, статья «О петербургских пожарах», помещенная в № 8 «Правдолюбивого», была написана гейдельбержцем С. И. Константиновым¹⁷.

Наладили гейдельбергские студенты и некоторые издательские предприятия. В цитированной выше записке III Отделения от 30 мая 1863 г. упоминается, что студент Н. Л. Владимиров, изучавший в Гейдельберге философию, участвовал в переводе на русский язык и в распространении какой-то книги Л. Фейербаха. Это соображение дает основание думать, что изданная в 1862 г. в Гейдельберге книга Фейербаха «Сущность религии» (перевод Федоровского) была переведена гейдельбергскими студентами.

В 1882 г. в Гейдельберге вышел первый (и единственный) номер «Летучих Листков». Это — книжечка небольшого формата в 78 страниц. В ней перепечатаны три прокламации «Великорусс», «Ответ Великооруссу» Н. А. Серно-Соловьевича, опубликованный в «Колоколе», ответ на этот «ответ» Огарева (также из «Колокола») и, наконец, известная прокламация Н. В. Шелгунова «К молодому поколению». В предисловии издатели «Летучих Листков», объясняя мотивы, побудившие их перепечатать выпущенные в России прокламации, писали: «Значение этих листков при настоящем положении дел в России так важно, что повторение их не нуждается в оговорке». Кем были изданы «Летучие Листки», неизвестно, но в литературе имеется указание, на то, что к изданию их были причастны братья Баксты¹⁸.

Мечтали гейдельбергские студенты и о создании собственного журнала.

В одном из писем А. Л. Линева, к упоминавшемуся выше С. Т. Константинову, рассказывается о попытке гейдельбержцев организовать журнал. Редактором его

намечался проживавший в Гейдельберге Петр Васильевич Новицкий, уже выступавший в качестве литератора в русской легальной прессе¹⁹.

«Друг и приятель Альбертини, — писал Линева про Новицкого, — он имеет связь в Петербурге, в литературном кружке, и в Сибири, где Новицкий служил, и в Малороссии, и по берегам Волги, и в славянских землях. Он задумал журнал славянский, следящий за событиями славянского мира, журнал, знакомящий с практическими выполнениями и осуществлениями жизненных вопросов». Новицкий, по словам Линева, готов, «побывав и поездив около месяца в России, осетить всю ее сеть корреспондентов»²⁰.

Допрошенный в 1866 г. по поводу этого письма в высочайше учрежденной следственной комиссии, Линева показал: «Во время моего знакомства с г. Новицким он однажды выразил свое неудовольствие на направление заграничной русской прессы, нападая на ее болтовню и философствование, — либеральное без основы в действительных фактах и познания русской жизни. Уж если бы издавать за границей журнал, заметил г. Новицкий, то помещать сведения о русской жизни, злоупотребления и другие пороки в России, не вдаваясь в теоретические вопросы»²¹.

Издание журнала, проектированного Новицким, не осуществилось. Линева уверяет, что это произошло из-за отказа упоминавшегося выше издателя Гергарда, которому было предложено принять на себя издание нового русского журнала. Однако можно подозревать, что была и другая причина, помешавшая Новицкому приступить за выполнение своего намерения. Дело в том, что среди эмиграции появились подозрения (основательные или нет, до сих пор не выяснено) относительно связи Новицкого с русской тайной полицией. Л. Блюммер опубликовал его фамилию в своем «Свободном Слове» в списке русских шпионов. Новицкий выразил негодование по этому поводу и пытался оправдываться, но неудачно. Выяснилось, что он возбудил против себя подозрения еще в Петербурге, когда осенью 1861 г. во время студенческого движения, облыжно выдавал себя за депутата одного высшего учебного заведения и пытался на этом основании проникнуть в центральный кружок, руководивший движением. Тогда же его заподозрили в предательстве студенческой сходки, собравшейся 5 октября на квартире Н. В. Альбертини. Конечно, после опубликования этих фактов всякие разговоры о Новицком как о редакторе будущего журнала, должны были прекратиться²².

Наладить издание своего журнала гейдельбергским студентам удалось только в 1863 г. Однако к этому времени политическая обстановка значительно изменилась, и это отразилось на настроении части русского студенчества в Гейдельберге.

В январе вспыхнуло польское восстание. Среди гейдельбергских студентов было немало поляков. Они поспешили уехать в Польшу, чтобы принять участие в вооруженной борьбе с русским царизмом. Некоторым из них, как, например, Оскару Авейде, Гауке и др., было суждено сыграть видную роль в начавшемся восстании.

Среди русских студентов в Гейдельберге были люди искренне сочувствовавшие польскому делу и желавшие активно помогать восставшим. Студент-медик П. И. Якоби отправился в Польшу, работал там в качестве врача при одном из повстанческих отрядов и был ранен. По сведениям III Отделения, ездил также в Польшу упомянутый выше Н. Л. Владимиров и Ф. Д. Грядин. Среди оставшихся в Гейдельберге производился денежный сбор в пользу раненых поляков-повстанцев. Подписной лист, вывешенный в читальне, послужил поводом для раскола среди гейдельбергских студентов. В ответ на подписку в пользу поляков несколько студентов, во главе с В. И. Герье, открыли подписку в пользу семей убитых русских солдат.

С этого момента русская колония в Гейдельберге раскололась на две партии. Одна из них, называвшаяся «Петербургской» (или «герценистами»), сочувствовала восстанию, связывая с его успешным исходом надежды на освобождение России. Другая — «Московская» (или «катковисты») — была настроена шовинистически и шумно приветствовала каждую победу русских войск над поляками. Взаимоотношения между этими двумя партиями приняли чрезвычайно резкий характер. Столкновения происходили на каждом шагу. Вскоре партийная борьба обострилась до такой степени, что у «герценистов» явилась мысль об издании полемическо-сатирического органа, направленного против «катковистов». Так возник журнал с двойным французско-русским названием «A tout venant je crache. — Бог не выдаст, свинья не съест».

Номера этого журнала до нас не дошли. По крайней мере, С. Г. Сватиков, специально изучавший историю русской читальни в Гейдельберге, не мог найти ни одного номера. Поэтому, говоря об этом журнале, приходится довольствоваться лишь теми сведениями, которые удалось собрать о нем Сватикову из расспросов современников²³.

Основателями гейдельбергского журнала были известный впоследствии философ-позитивист и социолог Е. В. де-Роберти и его два товарища: А. О. Преженцов, впоследствии сотрудник «С.-Петербургских Ведомостей» и «Северного Вестника» В. Корша, в которых он писал по экономическим и этнографическим вопросам, и один из братьев Сабуровых (повидимому, Я. В. Сабуров, близкий друг А. А. Серно-Соловьевича по Александровскому лицей, а впоследствии — сенатор). Журнал издавался на средства де-Роберти. За отсутствием в Гейдельберге русской типографии он печатался в Лейпциге. Рассылался он всем членам русской колонии в Гейдельберге,

Герцену, И. С. Тургеневу (который упомянул впоследствии об этом журнале в XXVI главе «Дыма») и др.

Сколько вышло номеров «*A tout venant je crache*», в точности неизвестно. С. Сватиков в двух статьях, в которых он рассказывает об этом журнале, сообщает, что вышло семь номеров²⁴, а в третьей — шесть²⁵. М. Волзовский же, напечатанный в 1864 г. в «Библиотеке для чтения» заметку о русской колонии в Гейдельберге, говорит только о трех номерах²⁶.

Как видно из самого названия журнала, его издатели придавали ему остро-полюемический характер. Основной его целью было высмеивание политических противников.

Круг сотрудников был весьма ограничен. Публицистический отдел взял на себя де-Роберти, а стихи — «очень бойкие, хлесткие и жестокие», по отзыву современника, писал Преженцов. Участвовали ли в журнале другие лица, неизвестно.



ГЕЙДЕЛЬБЕРГ

Литография с гравюры на стали Вормса
Литературный музей, Москва

О политической физиономии гейдельбергского журнала можно судить по одной статье де-Роберти о польском вопросе, предназначавшейся для журнала (была ли она помещена в нем или осталась ненапечатанной, неизвестно). По сообщению Сватикова, нашедшего рукопись этой статьи в архиве гейдельбергской читальни, автор статьи доказывал, что освобождение России невозможно без освобождения Польши.

Не лишены интереса обстоятельства, вызвавшие прекращение журнала. По данным Сватикова, отношения издателей «*A tout venant je crache*» с «катковистами» обострились до такой степени, что де-Роберти и Преженцов оказались вынужденными послать вызов на дуэль своим противникам. Те согласились драться только на эспадронах (по немецкому студенческому обычаю), а не на пистолетах, как настаивали де-Роберти и его товарищи. Тогда последние вывесили в читальне объявление об отказе «катковистов» от предложенной им дуэли. Вмешалось узавшее об этом университетское начальство. Оно признало де-Роберти и Преженцова виновными в вызове на дуэль на запрещенном оружии и уволило их на один год из университета. Таким образом, издателям «*A tout venant je crache*» пришлось расстаться с Гейдельбергом, и их журнал перестал выходить²⁷.

Конечно, журнал де-Роберти и его товарищей, ограничившийся в значительной мере освещением местных гейдельбергских вопросов, был доступен и интересен только сравнительно узкому кругу читателей.

Раздоры среди студенчества отразились и на судьбе русской читальни. Часть членов, во главе с В. Ф. Лугининым и Л. Модзалевским, стала настаивать на пре-

образовании читальни из закрытого клуба с строгим отбором членов, каким она была первоначально, в открытый для всех желающих кабинет для чтения. Протестантам удалось собрать большинство, и их точка зрения восторжествовала. Неудовольные преобразованием читальни Бакст и другие представители левого крыла студенчества отказались принимать участие в ее дальнейшей судьбе²⁸. Вскоре после этого читальня, утратившая свое прежнее значение, захирела. А затем, после того как Петербургский университет был вновь открыт, значительно сократилось и число русских студентов в Гейдельберге²⁹. Наиболее скомпрометированные в политическом отношении студенты, не решаясь возвратиться в Россию, перешли на положение эмигрантов (Бакст, Якоби и др.) и по окончании курса переселились в Швейцарию.

Из всего сказанного выше выясняется, с каким сочувствием относилось левое крыло гейдельбергской русской молодежи к Герцену и его деятельности. Однако иногда и среди представителей этого крыла можно было услышать разговоры в неблагоприятном для Герцена духе. Слухи о них доходили до самого Герцена. Это видно из его письма к сыну от 21 декабря 1861 г., в котором он, говоря о «гейдельбергских друзьях», передавал: «До меня доходили слухи, что в Гейдельберге говорили о том, что я страшно богат, и о том, что трачу чорт знает как. Из этого делали вроде упрека, что я не больше делаю для общего дела. Ты знаешь все мои дела и можешь говорить. Надобно же какое-нибудь разделение труда, — я выткну свою лямку, но один за всех не могу»³⁰. Таким образом, уже в самом начале существования русской гейдельбергской колонии по адресу Герцена начали раздаваться упреки, которые ему неоднократно пришлось выслушивать и позднее.

II. РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ В БЕРНЕ

В 1862 г. среди русской эмиграции появляется несколько новых лиц. Наиболее выдающимся из них был А. А. Серно-Соловьевич. Вместе с братом своим Николаем он стоял в центре петербургского революционного движения 1861—1862 годов. В 1861 г. он принимал участие в распространении прокламации Шелгунова «К молодому поколению». В том же году он вел агитацию за поддержку студенческого движения настроенными оппозиционно по отношению к правительству кругами петербургского населения. Будучи связанным с Герценом, весной 1862 г. А. А. Серно-Соловьевич ездил в Кенигсберг для налаживания переправки в Россию зарубежной литературы. Как и его брат Николай, он был близок с Чернышевским. Совместно с братом он принимал деятельное участие в организации тайного общества «Земля и Воля». Расстроенное здоровье заставило его весной 1862 г. уехать для лечения за границу³¹. В этой поездке его сопровождал его друг А. А. Черкесов, также достаточно яркая фигура в революционном Петербурге того времени, хотя его больше знали как издателя и владельца книжного магазина, служившего одним из центров сосредоточения петербургской оппозиционной интеллигенции.

В июне 1862 г. выехал за границу москвич Виктор Иванович Касаткин, которому также суждено было играть довольно заметную роль в делах русской эмиграции. Страстный библиофил, собиратель редких книг, портретов и рукописей, Касаткин был причастен к литературе; в 1858—1859 гг. он принимал деятельное участие в журнале «Библиографические Записки». В Москве Касаткин был близок с сыновьями знаменитого артиста М. С. Щепкина, поддерживал знакомство с Н. Х. Кетчером, профессором И. К. Бабстом, поэтом П. В. Шумахером, исследователем народного творчества А. Н. Афанасьевым, декабристом М. И. Муравьевым-Апостолом. Особенно же он был дружен с И. Е. Забелиным, известным историком, и с сыном декабриста Е. И. Якушкиным, впоследствии известным исследователем обычного права. Встречался Касаткин и с Чернышевским, который в 1857 г. писал о нем И. К. Бабсту: «Особенно понравился мне Касаткин»³².

Большой поклонник Герцена, Касаткин еще до эмиграции мечтал о том, чтобы наладить правильную и регулярную доставку его изданий в Москву и распространять их по умеренным ценам. Это видно из неопубликованного письма И. Е. Забелина Е. И. Якушкину от 9 января 1860 г. «Виктор Иванович, — сообщил Забелин, — писал ко мне о своем проекте касательно покупки и доставки лондонских изданий и при этом убежден, что его проект вещь вовсе не утопическая. Он нашел какого-то немца, через которого все это будет устроено. Но я понимаю, что все это вздор, что это весьма трудно и опасно. Не знаю, как вы будете думать. Он говорит, что и к вам писал об этом». Несмотря на скептическое отношение Забелина к проекту Касаткина, последний не хотел отказаться от него. Повидимому, стремление осуществить этот проект было одной из причин заграничной поездки Касаткина в 1860 г. Он явился в Лондон, чтобы познакомиться с Герценом и Огаревым, и весьма понравился им своим горячим энтузиазмом к делу вольного русского слова. Из публикуемых в настоящем томе «Литературного Наследства» писем Огарева к Герцену видно, что Касаткин в бытность свою в Лондоне занимался подготовкой вышедшего в 1861 г. под редакцией Огарева сборника «Русская потаенная литература XIX столетия». Большой знаток рукописной русской поэзии, Касаткин, конечно, мог оказать большую

помощь Огареву в работе над этим сборником. Весьма вероятно, что он доставил даже часть материала для него.

Неизвестно, насколько удалось Касаткину наладить регулярное получение лондонской литературы в Москве. Но несомненно, что по возвращении из-за границы он не без успеха занимался распространением портретов Герцена и Огарева и их изданий. Это видно из неопубликованного письма его к Е. И. Якушкину от 14 мая 1861 г., в котором он, между прочим, писал: «На днях к посылке в Ярославль [где в то время жил Якушкин — Б. К.] я присоединил вам карточку с лицами А. И. [Герцена] и Н. П. [Огарева]. Это была последняя и я не без труда сберег ее для вас от хищнических нападений разных господ. Читали вы № 89, где статья Огарева, если нет, то я захвачу его с собой: мне страх хочется потолковать с вами об этой статье. Постараюсь захватить и другие новости; любопытного бездна и во 2-м [томе] сборника и в 6-й книге»³³.

Настоящее письмо свидетельствует, что Касаткин и по возвращении в Москву продолжал поддерживать связь с Герценом. Это подтверждается и тем, что тайно приехавший в Россию в мае 1862 г. В. И. Кельсиев, будучи в Москве, связался с Касаткиным. Вне сомнения стоит также и то, что Касаткин знал о возникновении тайного общества «Земля и Воля» и, по всей вероятности, перед отъездом за границу в 1862 г. успел прикинуть к нему. Это подтверждается следующими соображениями: в конце весны 1862 г. член центрального комитета «Земли и Воли» А. А. Слепцов предпринял по поручению комитета поездку по России для того, чтобы установить связи с провинцией и организовать там отделения тайного общества. В целях конспирации Слепцов путешествовал под видом агента образовавшегося в Петербурге легального общества для распространения книг для народного чтения и учебных пособий. В бытность в Москве он посетил Касаткина и с рекомендательным письмом последнего направился в Ярославль к Якушкину (это письмо читатели найдут ниже, стр. 49—50). Имеются некоторые основания предполагать, что Е. И. Якушкин отнесся сочувственно к миссии Слепцова и согласился прикинуть к «Земле и Воле».

Как Серно-Соловьевич и Черкесов, так и Касаткин ехали в 1862 г. за границу без намерения эмигрировать. Однако в их отсутствие произошли события, заставившие их остаться за границей. Дело в том, что правительству стало известно о тайном приезде в Россию Кельсиева, и это повлекло за собою многочисленные аресты в Петербурге и в Москве (в числе арестованных был и Н. А. Серно-Соловьевич), закончившиеся так называемым процессом о сношениях с «лондонскими пропагандистами». Сношения А. А. Серно-Соловьевича и Касаткина с Кельсиевым были открыты, и русское правительство предложило им (а также и Черкесову, также замешанному в это дело) вернуться в Россию. И тот и другой отказались сделать это и были заочно приговорены к лишению всех прав состояния и изгнанию из России навсегда. Что касается Черкесова, менее скомпрометированного по делу, то он просил отсрочить ему возвращение в Россию, ссылаясь на расстроенное здоровье. Это дало ему возможность остаться за границей и принимать деятельное участие в делах эмиграции до августа 1865 г., когда он добровольно возвратился в Россию и расплатился за свои заграничные похождения кратковременным арестом и подчинением надзору полиции.

Летом 1862 г. бежали за границу от ареста, грозившего им по делу о раскрытой правительством в Петербурге тайной типографии, организованной студентом П. Д. Баллодом, — Н. И. Жуковский и П. С. Мошкалов, автор упомянутой выше прокламации «Русское правительство под покровительством Шедо-Фероти». Что касается Мошкалова, то, пробыв некоторое время в Лондоне, он переехал в Америку, где и прожил до 1871 г., когда получил разрешение на возвращение в Россию. Вследствие этого, в делах русской эмиграции он непосредственного участия не принимал. В ином положении оказался Н. И. Жуковский. Первые годы своего пребывания за границей он всецело посвятил делу транспортирования герценовских изданий в Россию. Для этой цели он, по указанию Герцена, поселился в Германии, Дрездене, и лишь во второй половине 60-х годов переехал оттуда в Швейцарию.

Наконец, надо упомянуть и о том, что в декабре 1861 г. в Лондоне появился бежавший из Сибири М. А. Бакунин, которому, как мы увидим ниже, было суждено сыграть весьма заметную роль в истории тогдашней эмиграции. Человек того же поколения, как и Герцен, Бакунин не прикинул вполне к позиции, занятой Герценом, хотя и поселился на первых порах в Лондоне же. Взаимоотношения Бакунина с Герценом и Огаревым выходят из рамки нашей темы, и потому мы коснемся их лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения роли Огарева в столкновении Герцена с «молодой эмиграцией».

Хотя Бакунин и уверял Герцена и Огарева, что его твердое намерение — «быть третьим» в их союзе, однако он не скрывал, что деятельность издателей «Колокола» не вполне его удовлетворяет. «В целях, — писал им Бакунин, — мы, кажется, совершенно согласны, расходимся только, может быть, в путях и средствах». На эту тему между Бакуниным и издателями «Колокола» не раз происходили разговоры, завершившиеся по обоюдному согласию следующей формулировкой их взаи-

многосторонний. «Вы правы, друзья. — Дружеское и союзное «возле». — Вот то отношение, в котором я должен стоять к вам»³⁴.

Однако такое соглашение оказалось непрочным. Через год Бакунин констатировал, что этот год «прошел в глубокой семейной борьбе». Его письмо к Н. И. Жуковскому отчетливо вскрывает линии разногласий между ним и Герценом. «Герцен, — писал Бакунин, — великолепно поставил и продолжает отстаивать русское дело перед европейской публикой, но во внутренней практике он несправильный скептик и действует на нее не только не поощряющим, но деморализующим способом».

Бакунин находил направление «Колокола» слишком «отвлеченным, литературным». Он обвинял Герцена в кокетничании с «императорством» и в уклонении от «дела практического» и объяснял это тем, что в Герцене «на революционного деятеля... решительно недостаточно материала»³⁵. При этом Бакунин отмечал, что в спорах с Герценом Огарев в ряде случаев становился на сторону его, а не Герцена. Это утверждение Бакунина подтверждается и самим Герценом. Как ни близок и дружен он был с Огаревым, полного единомыслия между ними не было. Герцен был сторонником длительной пропаганды (или «проповеди», как он выражался); Огарев же доказывал необходимость агитации. Герцен, по его собственному признанию, возражал против агитационных статей Огарева, находя в них элемент демагогии³⁶. Под влиянием этого его отношения с Огаревым принимали иногда настолько тяжелый характер, что в начале 1864 г. Герцен занес в свой дневник такие полные скорби строки: «Даже те связи, которые длились всю жизнь, подаются. Мы понижаемся в глазах друг друга»³⁷. Эти расхождения между Бакуниным и Герценом, а также между Герценом и Огаревым, отразились, как мы увидим ниже, и на истории их взаимоотношений с «молодой эмиграцией».

Подъем революционного движения, наблюдавшийся в России в 1861—1863 гг., возникновение тайного общества «Земля и Воля», пытавшегося раскинуть сеть своих отделений по всей России, широко распространенные среди русских революционеров надежды на то, что весной 1863 г., к тому времени, когда будет закончено составление уставных грамот и крестьянство окончательно убедится в неосновательности расчетов на получение «воли» сверху, в России произойдет неминуемая крестьянская революция, — все это диктовало русской эмиграции необходимость широкого развития деятельности, направленной на подготовку восстания в России и на обеспечение его успешного исхода. Эта деятельность в условиях эмигрантского существования могла развиваться в трех направлениях: во-первых, сбор денег на нужды революционного дела, во-вторых, налаживание постоянных и, по возможности, обеспеченных от провала связей с Россией, в-третьих, создание агитационной литературы в количестве, соответствующем быстро возросшей потребности в ней, ощущавшейся в России. Подпольные типографии, возникавшие в то время внутри страны, по самым условиям своей работы не могли в полной мере обеспечить действующие в России революционные организации потребной для них пропагандистской и агитационной литературой; при таких условиях русский вольный станок за границей приобретал особенно большое значение.

Еще в мае 1862 г. Герцен на страницах «Колокола» заявил «в ответ на несколько писем, полученных из России», о своей готовности учредить при редакции «Колокола» сбор денег, «предназначаемых на общее наше русское дело»³⁸. Так возник так называемый «Общий фонд». Средства этого фонда предназначались в первую очередь «для пособия русским эмигрантам, число которых возрастает благодаря безумному террору, царящему в Петербурге»³⁹, а затем на нужды революционной пропаганды. Поступления в фонд были двоякого рода. Во-первых, предусматривалось самообложение эмигрантов (конечно, имущей части их); предполагалось, что люди с доходом до 2000 р. будут отчислять 5%, а с большим доходом — 10%; для семейных делалась скидка вполчину⁴⁰. Во-вторых, ожидалась взносы от русских людей, живущих за границей или путешествующих по Западной Европе, а также пожертвования из России. Однако поступления в «Общий фонд» притекали слабо. Герцен не раз жаловался, что поступающих денег не хватает даже на помощь нуждающимся эмигрантам⁴¹, а в сентябре 1863 г. с грустью констатировал, что «в Общем фонде не только ничего нет, но дефицит растет с необходимостью поддерживать русских, не имеющих возможности возвратиться в Россию»⁴².

В этом слабом успехе «Общего фонда» нет ничего удивительного, если мы вспомним, что наша эмиграция в большинстве своем состояла из людей нуждающихся; посторонние же пожертвования были явлением случайным, а в 1863 г. под влиянием развития реакционных настроений в русском обществе, в связи с польским восстанием, даже явлением редким. Приток денег в «Общий фонд» почти совершенно прекратился, а касса его опустела.

Другим делом, сильно интересовавшим эмигрантов, было налаживание связей с Россией. Мы уже упоминали о том, что Н. И. Жуковский был отправлен для этой цели в Дрезден. С аналогичным поручением в октябре 1862 г. был послан сперва в Константинополь, а затем в Тульчу, на границу с Россией, В. И. Кель-

снев, к которому в 1863 г. присоединился бежавший из России его брат И. И. Кельсиев, видный участник московского студенческого движения 1861 г. В северной Германии работал В. И. Бакст. В Италии такую же работу вел известный впоследствии публицист, географ и социолог Лев Ильич Мечников. Он с 1858 г. находился вне пределов России, сражался в войсках Гарибальди, но только теперь начал принимать участие в делах русской эмиграции, взяв на себя налаживание морских связей между Италией и Одессой, в чем ему одно время помогал бывший студент Гейдельбергского университета барон А. Ф. Стюарт, уроженец Бессарабии, имевший знакомства в Одессе.

Наконец, М. А. Бакунин, во время пребывания своего в 1863 г. в Швеции, налаживал сношения через шведско-финляндскую границу. Как видим, работа, в



В. И. БАКСТ

Фотография 1866 г. с дарственной надписью Лизе Герцен

Литературный музей, Москва

общем велась довольно интенсивно, и результаты ее на первых порах были весьма благоприятные. Этому способствовало то обстоятельство, что с начала польского восстания, вспыхнувшего в январе 1863 г., русская граница с Пруссией и Австрией оказалась фактически открытой. В результате заграничная русская печать начала в большем, нежели ранее, количестве проникать в Россию.

В связи с развитием в эти годы широкого революционного движения в России спрос на революционную литературу, изготовляемую за границей, как мы уже отмечали выше, сильно возрос. Как ни велика была продукция герценовской типографии, она оказывалась недостаточной для удовлетворения спроса, поступавшего из России. При таких условиях вполне естественной была мысль о создании за границей еще одной русской типографии.

Эта мысль была приведена в исполнение уже известным нам В. И. Бакстом, основавшим, повидному, в конце осени 1862 г. русскую типографию в Берне. Как это ни странно, существование этой типографии до сих пор оставалось неизвест-

ным нашим исследователям, хотя некоторые документы, содержавшие в себе упоминание об этой типографии, были давно уже опубликованы. Основываясь как на этих документах, так и на некоторых других, которые впервые печатаются в настоящем томе «Литературного Наследства», мы попытаемся изложить историю этого эмигрантского начинания. Однако необходимо теперь же оговориться, что те сведения, которыми мы в настоящее время располагаем относительно бернской типографии, настолько скудны, что не дают возможности дать сколько-нибудь полную картину судьбы этой типографии.

А. А. Слепцов рассказывает, что, приступив к организации тайного общества «Земля и Воля», Н. А. Серно-Соловьевич обратил особенное внимание на собиравшегося ехать в Гейдельберг Бакста, которому, как добавляет Слепцов, «была обеспечена помощь Лугинина». «Он [т. е. Бакст], — пишет Слепцов, — ехал не столько для научных занятий, сколько для организации доставки лондонских (тогда, в сущности, единственных) изданий в Россию, на что В. Ф. [Лугинин] обещал не пожалеть части своих (вернее отцовских) громадных средств»⁴³. И действительно, как мы уже упоминали, Бакст привел в исполнение это намерение, приняв на себя организацию транспортирования герценовской литературы через русско-прусскую границу. Отдав свои силы этому делу, Бакст должен был убедиться в том, что лондонская типография не в силах справиться с выпавшей на ее долю задачей.

Бакст имел опыт в типографском деле. В Петербурге он владел типографией. Естественно, что и за границей ему пришла мысль вновь приняться за знакомое дело. Откуда же он достал деньги на устройство типографии? Повидимому, не от Лугинина, с которым, как мы уже знаем, он в Гейдельберге разошелся в связи с вопросом о роли русской читальни. Имеются основания предполагать, что средствами, необходимыми на устройство типографии, снабдил его другой товарищ по Гейдельбергу, упомянутый выше барон Стюарт, человек весьма состоятельный. За это предположение говорит то обстоятельство, что распорядителем шрифта, оставшегося после ликвидации бернской типографии, в эмигрантских кругах, как это видно из неопубликованных писем Н. И. Утина к Герцену и Огареву, на ряду с Бакстом считался и Стюарт.

Бернская типография, как упомянуто уже выше, возникла в конце осени 1862 г. По крайней мере, С. Тхоржевский в письме к В. И. Касаткину от 4 ноября 1862 г. говорит об этой типографии как об уже существующей⁴⁴.

Повидимому, по открытии типографии Бакст встретился с какими-то препятствиями, мешавшими нормальному развертыванию его работы (см. письмо Касаткина к Герцену, стр. 53—55). Возможно, что и денег у Бакста не хватало, а возможно, — и это вероятнее всего, — что он испытывал недостаток в литературном материале. Поэтому среди эмигрантов, живших в Швейцарии, возникла мысль о соединении бернской и лондонской типографий в единое предприятие. Для переговоров по этому вопросу с Герценом и его товарищами отправились в Лондон А. А. Серно-Соловьевич и А. А. Черкесов. В результате переговоров сложился план, который С. Тхоржевский следующим образом излагает в цитированном уже письме к Касаткину: «Из разных предположений, и с вашей стороны и со стороны бернской типографии, вышел на скорую руку план не только соединения двух враждебных типографий, но основания общества издательства всех сочинений и «Колоколов», так что где бы они ни печатались, то все равно будет и для одной и для другой стороны. В обществе примут участие главное: Николай Платонович, Александр Иванович с сыном, Чернецкий, Бакст, я и вы; как книгопродавцы: Серно-Соловьевич, А. А. Черкесов и еще двое или трое денежных людей. Общество будет основано на акциях, т. е. соответственно взносу, барыш от получаемых из «издательства» «Колокола» и всех нужных книг; люди специальные, как типографы и другие, должны получать жалованье, которое, разумеется, нужно на содержание. Мы, если захотите, будем заниматься и торговлею книжною, которая не взойдет в общество, но это другой вопрос. «Колокол», как и всегда, должен принадлежать [Александру] [Ивановичу], но общество будет печатать и продавать сколько угодно, а редакция будет отдельно вознаграждена, кроме барыша, который редакция будет иметь, как акционерка. Это все — проект составленный вчера мною и Серно-Соловьевичем вечером, за несколько часов перед его отъездом, а утром был только проект соединения типографий, в котором только должны были участвовать [Александр] [Иванович], Чернецкий и Бакст. В этом проекте я видел всю тяжесть на [Александра] [Ивановиче], а потому мысль этого обширного проекта надобно развить как можно скорее и, разумеется, отдать одному дельному законодателю заметить на параграфы. Что вы об этом думаете и как хотите участвовать?»

Об этом проекте Касаткин узнал не только из письма Тхоржевского, но и от Серно-Соловьевича и Черкесова, которые на пути из Лондона в Неаполь, куда Серно-Соловьевич ехал для лечения, заехали в Женеву и 7 и 8 ноября вели переговоры с Касаткиным. Сообщая об этом Герцену, Касаткин писал (стр. 53): «Результаты наших совещаний, в виде основных положений проекта, я посылаю Тхоржевскому, который и сообщит вам его. Рассмотрите и обсудите его сообща,

по возможности, во всех отношениях. Все ваши замечания, изменения, соображения потрудитесь сообщить мне или Баксту для уведомления о том [Серно]-[Словьевича] и дальнейшей разработки проекта. Пока еще нет денег, но все, в том числе и я, надеюсь, что они скоро будут... До тех пор положение обеих типографий и книжного дела должно остаться *in statu quo*. По моему мнению, Бакст в настоящем положении не может ничего сделать; всякие поддержки бесполезны и ни к чему не приведут. От осуществления же проекта дело принимает, с самого начала его, совершенно другой и, можно заранее сказать, хороший оборот. Так как большинство шансов за то, что деньги будут, то, не теряя времени, следует обсудить и развить проект во всех подробностях, чтобы иметь возможность с начала же нового года приступить к его осуществлению». К сожалению, никаких подробностей относительно содержания проекта, упоминаемого Касаткиным в только что цитированном письме, мы не знаем. Известно только, что в процессе его обсуждения возникло предположение рассматривать задуманное объединенное издательство в качестве заграничного предприятия тайного общества «Земля и Воля», на что ее представитель А. А. Слепцов, находившийся в то время за границей, дал согласие. Известно также, что проект «акционерной компании» не осуществился. Можно предположить, что одной из причин этого — а, может быть, и главной — было отрицательное отношение к нему Герцена.

Прежде чем говорить об этом, познакомимся с тем, как реагировал на проект слияния типографий Огарев. В письме к Баксту от 15 декабря 1862 г. он писал: «Я прихожу к тому убеждению, что компании и типографии, если будут пути (т. е. связи для транспортирования литературы в Россию), лучше, безопаснее соединить в Лондоне, чем на материке, а в ценах разницы не будет... Большое предприятие вне Англии, где бы то ни было, при предстоящей истории легко подвести под секвестр и разом лишиться и фонда, и типографии на континенте, а между тем, лондонская типография окажется уменьшенной, так что вместо добра, выйдет худо»⁴⁵.

Таким образом, принципиальных возражений против проекта слияния у Огарева не было. Он предлагал только, чтобы всё предприятие было сосредоточено в Лондоне, находя, что политические порядки Англии дают больше гарантий успешного развития дела, нежели порядки других стран.

Иначе относился к проекту Герцен. В этом вопросе он коренным образом разошелся со своим другом. 15 февраля 1863 г. он писал Огареву: «*Volo videre, quomodo aedificatis*» [хочу видеть, как вы строите]. Пусть же они докажут, что они — сила, что мы с ними и со всеми, кто идет тем же путем, — это они знают. Но, стоя на построенном нами фундаменте одиноко, пока не убедимся, что их прочнее, мы не будем увлечены в *fiasco* или нелепость. Служить им я буду, но прежде чем брать солидарную ответственность, хочу видеть их журнал, их *profession de foi*. Ведь «Земля и Воля» — не все, и в «Молодой России» то же было... А потому я не знаю, чего именно ты хочешь от меня. Смешать 0 нашего фонда с 0 их? Можно. [Слепцов] [?] говорит, что мы можем распоряжаться, а С. придет да задаст такую гонку. Это даже Бакунин не принимает»⁴⁶.

Из этого письма видно, что, возражая Огареву, Герцен приводил ряд доводов против предложенного ему проекта.

Во-первых, он выражал неверие в силы представителей молодой эмиграции и в их способность справиться с делами.

Во-вторых, он боялся объединять свою типографию с бернской, чтобы не потерять самостоятельности.

В-третьих, он не хотел ставить свое дело в зависимость, хотя бы и минимальную, от тайного общества «Земля и Воля», не полагаясь на обещания А. А. Слепцова, который не производил на Герцена впечатления серьезного политического деятеля (да и действительно не был им), не вмешиваясь в дела издательства и типографии. Поэтому он и выдвигал возражение, что «Земля и Воля» не представляет всего русского революционного движения.

В-четвертых, Герцена смущала материальная сторона дела, так как он знал, насколько недостаточны имущественные средства эмигрантов, и опасался, что в случае проектируемого слияния все материальные тягости лягут на одного или почти одного его.

Отвергнув предложенный ему проект, Герцен, однако, не уклонился от поддержки бернской типографии как материальными средствами, так и личным сотрудничеством.

Посылая в марте 1863 г. Касаткину 50 фунтов стерлингов, Герцен добавлял: «Печатайте без счета, а коммуникации будут вскоре восстановлены. Революция не только не погасла, но увеличилась; вести из России благоприятны, и наши труды не пропадут даром». В другом письме к тому же Касаткину (4 апреля того же года) Герцен писал: «Не уставайте, развивайте наши мысли... торопитесь печатать, — первые оттиски в Лондон»⁴⁷.

Эти письма Герцена дают основание предполагать, что Касаткин состоял при бернской типографии чем-то вроде представителя Герцена.

Что касается литературного сотрудничества Герцена с бернской типографией, то оно выяснится для нас, когда мы будем говорить о продукции этой типографии. А пока остановимся еще на материальной стороне дела.

Ниже мы помещаем денежный отчет, который Бакста, в марте 1863 г., послал Огареву (стр. 64). Уже самый факт его послышки свидетельствует о том, что бернская типография в материальном отношении зависела от Лондона. Однако средства ее, естественно, не ограничивались тем, что она получала от Герцена. В числе жертвователей отчет указывает и «барона», т. е. Стюарта, и Лугинина, и гейдельбержцев, приславших деньги через Серно-Соловьевича, и какого-то «М. Ив.», и Якушкина (из сказанного выше об отношениях Е. И. Якушкина с Касаткиным ясно, что именно он упоминается в отчете).

Что же печатала бернская типография? Если мы будем искать в каталогах революционной литературы издания того времени, вышедшие в Берне, то все наши поиски останутся безрезультатными; таких изданий не существует. К счастью, мы имеем и другие пути для установления бернской продукции.

15 декабря 1862 г. Герцен запрашивал Бакста: «Принялись ли вы за Пиотровского и что напечатали. Вы больше пишете об общих вешах, а нам нужны детали»⁴⁸. В письме Бакста к Огареву от 22 марта 1863 г. мы читаем: «Предисловия Пиотровского еще нет, и мне сильно достается за остановку в работе» (стр. 62).

Пересматривая русские заграничные издания 1863 г., мы находим книгу: «Записки Руфина Пиотровского. Россия и Сибирь. 1843—1846. Norrköeping. Eric Björnström. 1863»⁴⁹. На 4-й странице обложки этой книги мы находим сообщение: «Печатаются: Концы и начала — Искандера».

Далее, в письме от 15 ноября 1863 г. Касаткин писал Герцену: «Ваши «Концы и начала» следовало бы отпустить отдельной брошюрой, разрешите это Баксту. Книжечка скоро окупится и доставит многим новое наслаждение» (стр. 54). А в только что цитированном письме Бакста к Огареву мы находим следующие строки: «Статьи Александра Ивановича печатаются, начато с «Концов и начала». Нельзя ли прибавить предисловие А[лександра] Ив[ановича], которое давно обещано» (стр. 63).

Среди заграничной русской книжной продукции 1863 г. имеется книга: «Искандер. Концы и начала. С предисловием автора. Norrköeping. Tryckthos Eric Björnström. 1863».

Надеемся, что после всего сказанного не может быть никаких сомнений в том, что обе обнаруженные нами книги были отпечатаны в бернской типографии. И ссылка на норвежское местечко Норкепинг, и никому неведомый (а вернее всего и несуществующий) Эрик Бьорнстром были лишь удачными приемами маскировки. Когда это было выяснено, Е. Н. Кушевой путем сравнения шрифтов удалось установить, что кроме указанных двух книг в бернской типографии в 1863 г. был отпечатан ряд прокламаций (что, между прочим, подтверждается упоминанием о «листах», отпечатанных в Берне, в письме Касаткина к Огареву от 12 марта 1863 г. (стр. 60—61), и две брошюры: «Послание» и «Свободные русские песни» (см. публикацию Е. П. Кушевой, стр. 92—102). На некоторых из этих изданий мы также находим следы маскировки: на одних в качестве места печатания указаны Петербург и Москва, другие же имеют ложные даты цензурного разрешения. Некоторые из прокламаций, несомненно, написаны Огаревым.

Все указанные издания вышли в свет в течение первой половины 1863 г. Во второй половине этого года деятельность типографии замирает. И это вполне понятно, если мы вспомним, что весна 1863 г. обманула ожидания русских революционеров на повсеместное восстание в России, что к лету предстоящее поражение польского восстания стало ясно для всякого объективного наблюдателя, что деятельность «Земли и Воли» к этому времени почти совершенно замерла (вспомним, что еще 1 мая 1863 г. Герцен писал Огареву: «Миф «Земли и Воли» должно продолжаться потому уже, что она сами поверят в себя. Но что теперь «Земли и Воли» нет еще, это ясно»⁵⁰ и что, наконец, под влиянием реакции, восторжествовавшей в русском обществе, спрос внутри России на заграничную русскую литературу катастрофически упал. К сожалению, определить точно время ликвидации русской типографии в Берне мы не имеем возможности. Надо думать, что летом 1863 г. она перестала существовать.

В заключение отметим, что между Касаткиным и другими эмигрантами, причастными к бернской типографии, происходили какие-то недоразумения и столкновения, которые не могли не отражаться и на отношениях эмигрантов к Герцену. Посетив в конце ноября 1863 г. Женеву, Герцен имел случай убедиться, что «Касаткин — мелочный человек» и что эмигранты «страшно озлоблены против него». «Не знаю, — писал Герцен Огареву, — помирил ли я, но, кажется, свел на приличную ногу. Касаткин выдвинул у меня с Бакстом, при прощании в зале железной дороги я именем Николая, Лондонского миротворца [т. е. Огарева], просил их забыть вздор — обещали постараться»⁵¹. Однако, как мы увидимся ниже, из этих стараний ничего не вышло.

III. ЖЕНЕВСКИЙ СЪЕЗД ЭМИГРАНТОВ

В 1863 г. в рядах русской эмиграции появился ряд новых людей. Наиболее видным из них по своей роли в революционном движении был Н. И. Утин. Несмотря на свою молодость, он имел уже за собою весьма значительный опыт революционной работы. В 1861 г. Утин был одним из руководителей студенческого движения в Петербурге, за что поплатился арестом. Позднее он вошел в тайное общество «Земля и Воля» и был членом ее центрального комитета. Предупрежденный о грозящем ему аресте, Утин в мае 1863 г. поспешил скрыться за границу. В августе он приехал в Лондон и поселился там. Герцен принял его весьма радушно и оповестил в «Колоколе» об его удачном побеге⁵². Живя в Лондоне, Утин сблизился с редакцией «Колокола». В одном из позднейших писем своих к Огареву он вспоминал: «Я помню ваше общее дорогое для меня предложение участвовать



ГЕЙДЕЛЬБЕРГ

Литография Вишебуа и Вайс по рисунку Шапюи
Литературный музей, Москва

в редакции «Колокола» вместе с моим другом Зрачковым... Но редактировать от- казался, как вы помните»⁵³. В достоверности сообщаемого Утиным факта, конечно, не может быть никаких сомнений. Очевидно, что в конце 1863 г. Герцен и Огарев, обеспокоенные быстро снижавшимся спросом на издания, решили привлечь в редакцию «Колокола» двух представителей «Земли и Воли», находившихся в то время за границей — Утина и М. С. Гулевича (Зрачкова), в том же 1863 г., что и Утин, покинувшего Россию. Повидимому, они рассчитывали, вступив в более тесные сношения с представителями «Земли и Воли», поднять популярность «Колокола» среди революционеров, действующих в России. Мало этого, существовал даже проект поставить на «Колоколе» девиз «Земля и Воля». Однако Утин (в письме к Огареву от 23 декабря 1863 г.) категорически возражал против такой «ужасной вещи», указывая, что его петербургские «друзья пишут о необходимости переменить открытый образ действий на тайный» и что петербургское правительство может воспользоваться этим девизом для того, чтобы попавшихся в его руки членов «Земли и Воли» «казнить за «Колокол», как за домашние прокламации». «Колокол» с девизом «Земля и Воля», — пояснял свою мысль Утин, — непременно примется за орган тайного общества «Земля и Воля», а об этом обществе друзья умоляют умалчивать». В этом инциденте поистине не знаешь, чему больше изумляться: наивности ли Герцена и Огарева, вознамерившихся опереться на «Землю и Волю», которая, как им было известно, фактически уже не существовала, или

же своеобразной аргументации Утина. Во всяком случае, этот факт лишний раз свидетельствует о растерянности, охватившей русскую эмиграцию в конце 1863 г. под впечатлением роста реакции в России.

Почему Утин отказался войти в редакцию «Колокола» если не в качестве предателя «Земли и Воли», то хотя бы как частное лицо, остается не вполне ясным, но несомненно, что предположенная комбинация не осуществилась именно из-за его нежелания. Это подтверждается свидетельством самого Герцена, приводимым неким «иркутским купеческим сыном» Николаем Пестеревым. Допрошенный в 1867 г. в следственной комиссии Пестерев, между прочим, рассказал, что в 1864 г. он ездил за границу, где познакомился с эмигрантами, в том числе и с Герценом. При встрече Герцен спросил Пестерева, что говорят о «Колоколе» в России. «Я отвечал, — рассказывал Пестерев, — что последнее время Россия «Колокола» не видит почти, а на смену вас у нас есть свой публицист: это — Чернышевский. «Колокол» ваш уж для нас плох, а главное — мода на вас прошла. — «Да, это я вижу, — ответил Герцен, — ни посетителей у меня последнее время нету и издание совсем не идет. Хоть бросай. Сведений из России тоже не получаю. Даже журналы и газеты запаздывают, да и работаем только вдвоем с Огаревым. Он же больной. Что тут сделаешь? Сын у меня совсем ученый, политики просто не понимает. Предлагал было Утину, тот отказался. Как же тут винить меня. Пусть придет Чернышевский. Я с руками передам ему мой стапок. А что, ведь, от вас [т. е. из Сибири] уйти можно? Бакунин ушел же. Но не всем бакунинское счастье: того ведь сами в порт сдали, да на своей лодке на американский пароход и перевезли»⁵⁴.

Известную роль в отказе Утина войти в редакцию «Колокола» могло играть то, что статьи, которые он писал, не получали доступа на страницы «Колокола». В письме от 11 ноября 1863 г. Герцен писал Огареву: «Статья Утина только в конце может быть помещена, т. е. где он говорит о «Земле и Воле»; но лучше подождать»⁵⁵. В результате эта статья напечатана не была. В конце того же года Утин написал для «Колокола» статью «На новый год (Семья гонимых)», в которой, по его словам, разбирал новый университетский устав. Эта статья также в печати не появилась. Это дает основание отнести с доверием к сообщению Утина, переданному тем же Н. Пестеревым, что причиной его отказа было его несогласие с Герценом «по программе изданий».

Вскоре Утин покинул Лондон и переехал в Швейцарию, которая все больше притягивала к себе русских эмигрантов.

В 1863 г. бежали за границу два видных участника московского студенческого движения 1861 г.: один — И. И. Кельсиев — из тюрьмы, другой — Гижиккий — из ссылки. О Кельсиеве мы уже упоминали и говорили, что он отправился в Тульчу на помощь брату; однако ему недолго удалось поработать в эмиграции: в июне 1864 г. он умер от тифа. Где провел свои эмигрантские годы Гижиккий, в точности неизвестно. В документах, касающихся деятельности русской эмиграции 60-х годов, его имя не упоминается. Однако его упомянутая выше статья в «Московских Ведомостях» показывает, что он был в курсе эмигрантских дел и слюлок.

Наконец, отметим появление за границей в начале 1864 г. известного впоследствии русско-грузинского публициста Н. Я. Николадзе. Хотя формально он и не был эмигрантом, так как уехал за границу с разрешения правительства, а в 1868 г. свободно возвратился в Россию, в делах эмиграции он играл большую, хотя, как мы увидим ниже, не всегда красивую роль. Революционное прошлое Николадзе исчерпывалось тем, что в 1861 г. он, будучи студентом первого курса Петербургского университета, принимал некоторое участие в студенческом движении, за что и попался полуторамесячным заключением в Кронштадтской крепости. Лично знакомый с семьей Чернышевского, Николадзе любил много рассказывать о своей близости к великому революционеру. Это, конечно, весьма импонировало его слушателям⁵⁶.

К концу 1863 г. для всех было ясно, что революционный подъем, пережитый Россией в предыдущие годы, находится на исходе. Польское восстание было жестоко подавлено. Надежды на близость крестьянской революции рассеялись. Русские революционные организации частью подверглись разгрому, частью же, как например, «Земля и Воля», сами ликвидировались, не видя возможности продолжать свою работу. Как никогда, процветало ренегатство: те, кто были вчера еще яркими оппозиционерами, сегодня круто поворачивали вправо, а часто становились открытыми прислужниками реакции.

В таких условиях перед эмиграцией стал вопрос, в каком направлении ей надлежит развивать свою дальнейшую деятельность. В «Колоколе» от 1 января 1865 г. (№ 193) Герцен дал вполне четкий ответ на этот вопрос: «Пропаганда, — писал он, — явным образом разбивается на-двое: с одной стороны, слово, совет, анализ, объяснение, теория; с другой — образование кругов, устройство путей внутренних и внешних сношений. На первое мы посвящаем всю нашу деятельность, всю нашу преданность, второе не может делаться за границей»⁵⁷. Таким образом, Герцен ограничивал задачу эмиграции исключительно литературной деятельностью или,

другими словами, печатной пропагандой революционных идей. Естественно, что представители «молодой эмиграции» не могли согласиться с такой постановкой вопроса.

Они не находили возможным обращаться с пропагандой только к случайным русским путешественникам по Западной Европе. Они хотели воздействовать на русское общество. А для этого было необходимо не только издавать революционную литературу, но и изыскивать пути для продвижения ее в Россию. Организацию «внешних сношений» они безусловно считали делом эмиграции. В сущности, с этим не мог не согласиться в глубине души своей и сам Герцен, который и как писатель, и как издатель был заинтересован в том, чтобы его голос доходил до России, в том, чтобы его издания распространялись среди русского общества.

Однако «молодая эмиграция» шла дальше. Учитывая отсутствие в России, после ликвидации «Земли и Воли», центра, работающего над собиранием и объединением революционных сил, имеющихся в стране, представители «молодой эмиграции» считали, что такую задачу эмигрантам приходится взять на себя. Отражая эту точку зрения, Н. И. Утин 9 июля 1864 г. писал Огареву: «На сию минуту, когда в самой России нет центра, вы должны понять, какую важность получает здесь заграничный очевидный [т. е. открыто существующий] центр — это оплот силы, оплот веры в силу... Мы должны группироваться в маленький центр, и сколько не имеющий притязания руководить деятельностью в России, но всегда готовый служить живым узлом для связи не сходящихся между собою кружков и даже личностей»⁵⁸. Если эмиграции удастся создать такой центр, то ясно, что «Колокол», и вообще, издательство Герцена должны стать в зависимость от него положение, должны из личного дела Герцена с Огаревым превратиться в дело общеземлианское. Эмигранты, другими словами, полагали, что Герцен и Огарев должны «принять в общую работу» всех их. 9 июля 1864 г. Утин отправил Огареву программу преобразования «Колокола». К сожалению, эта программа до сих пор неизвестна, но несомненно, что она была составлена именно в только что указанном духе.

Анонимный автор некролога А. А. Серно-Соловьевича, напечатанного в 1869 г. в журнале Утина «Народное Дело» (вернее всего — сам Утин), вспоминал: «В конце 1864 г. он принял энергичное участие в стремлении «молодой эмиграции» создать в Женеве тесный круг, который своею готовностью и положением мог бы служить постоянно помощью нашим друзьям-пропагандистам в России. Это стремление рушилось тогда отчасти вследствие разлада «молодой эмиграции» с «старой», вследствие неумения или нежелания «старой» эмиграции соединить вокруг себя «молодую»; отчасти вследствие бывшей разнородности и недостатка наличных материальных и нравственных сил в самой «молодой эмиграции» для создания самостоятельного органа»⁵⁹.

В этой цитате вкратце изложена история женевского съезда русских эмигрантов, состоявшегося в конце декабря 1864 г. — в начале января 1865 г. Прежде чем рассказывать об этом событии, имевшем весьма большое значение в жизни русской эмиграции, необходимо остановиться на том, в каком направлении развивались в течение второй половины 1863 г. и в 1864 г. взаимоотношения Герцена и «молодой эмиграции».

Было время, когда Лондон неудержимо притягивал к себе всех русских, приезжавших за границу. Было время, когда Герцен не знал отбоя от посетителей, жаждавших познакомиться с человеком, имя которого гремело тогда по всей России. Теперь это время прошло. Никому и в голову не приходило заезжать в Лондон только для того, чтобы посмотреть на Герцена. Даже те русские, которых судьба заносила в Англию, не только не стремились посетить Герцена, но, наоборот, всячески избегали его, чтобы не компрометировать себя в глазах русской тайной полиции. Теперь посетители, рисковавшие нарушить покой Герцена, были очень редким явлением. Даже эмигрантов Лондон не привлекал. Они сосредоточивались главным образом в Швейцарии и отчасти, в меньшей степени, в Париже и в Италии.

При таких условиях, а также при все возрастающей дороговизне в Лондоне, на которую неоднократно жаловался Герцен, указывая, что она чрезвычайно затрудняет содержание «Вольной русской типографии», почти переставшей приносить какие-либо доходы⁶⁰, у Герцена возникла мысль перенести свою типографию из Англии на континент.

Поездка, предпринятая Герценом осенью 1863 г. по Италии и Швейцарии, способствовала тому, что эта мысль укрепились в нем.

Во Флоренции Герцен нашел целую русскую колонию, которая устроила в честь его парадный обед. На обеде он встретился с Л. Мечниковым и Стюартом и вел с ними переговоры относительно организации доставки лондонских изданий в Россию⁶¹.

Оттуда Герцен проехал в Женеву. Там он встретился со многими русскими. Некоторые из них специально приехали в Женеву из других городов Швейцарии, чтобы повидаться с ним. В Женеве около него собрался ряд эмигрантов: Бакст, Касаткин, Черкесов, А. А. Слепцов и др. На совещаниях, происходивших между

ними и Герценом, они поставили вопрос о необходимости переезда в Швейцарию Л. Чернецкого, в целях возобновления работы свернутой к тому времени бернской типографии. Тогда Герцен поделился с ними своею мыслью о перевозе типографии на континент. Эта мысль, по выражению Герцена, «делала фурор» среди присутствующих. Было решено, что в мае 1864 г. лондонская типография переносится в итальянский городок Лугано⁶².

Герцен уехал из Женевы весьма довольный. «Всех русских... я нашел лучше, чем ждал», — писал он Огареву⁶³.

Однако по возвращении в Лондон Герцен начал сомневаться в целесообразности принятого в Женеве решения. Огарев, возражавший против переноса типографии на континент, раздувал в нем скептическое отношение к этому делу. Колебания продолжались более года. Как известно, Герцен расстался навсегда с Лондоном не в мае 1864 г., как было договорено в Женеве, а лишь 15 марта 1865 г.

Какие же соображения заставляли Герцена задумываться вновь и вновь над приятным решением? Во-первых, Герцен боялся торжества реакции в Западной Европе и опасности, связанных с этим для его типографии. Зависимость от решений и капризов Наполеона III, в состоянии которой оказалась объединенная Италия, с одной стороны, и возрастающее всемогущество Бисмарка, с другой, учитывались Герценом и заставили его признать, что Италия, которая легко может стать ареной военных действий, — место, мало подходящее для устройства русской типографии⁶⁴.

Во-вторых, Герцен, несомненно, опасался и того, что переезд его на континент приведет к усилению вмешательства русских эмигрантов в дела его типографии. Недоверие к представителям «молодой эмиграции» все более возрастало в Герцене. Это видно хотя бы по отношению его к Н. И. Утину. Когда Огарев однажды указал ему, что в Утине надо беречь представителя «Земли и Воли», Герцен раздраженно ответил: «Не побережь ли «Землю и Волю» в себе прежде, чем в других?» — намекая, что им с Огаревым «Земля и Воля» обязана большим, нежели Утину. И добавил, что не понимает «удовлетворимости» Огарева относительно Утина. В другой раз он писал Огареву про Утина: «Мне не нравится тон институтского *céline*rie [лести] его и твоих писем, а ты мне не позволяешь находить, что ты дешево отдаешься... Есть вещь, снимающая разом даль людей, это (если хочешь понять — поймешь) — помазанье, его в Утине я не вижу»⁶⁵. Это пока еще не мешало, однако, тому, что внешне отношения Герцена к Утину сохраняли вполне дружественный характер. Даже одну статью Утина Герцен решился напечатать в 1864 г. в «Колоколе»; впрочем, отказать в этом было трудно, так как свою статью Утин посвятил Чернышевскому, отзываясь ею на его осуждение к каторжным работам.

В марте 1864 г. А. А. Черкесов выдвинул проект создания, на ряду с «Колоколом», еще одного русского журнала, желая придать ему общеэмигрантский характер; Черкесов предложил Герцену принять на себя редактирование этого журнала, но Герцен отказался наотрез. Поясняя мотивы отказа, Герцен писал Мальвине Мейзенбург: «Как объяснить то обстоятельство, что эти самые молодые люди, живущие дома и за границей, не обладают ни силою, ни талантом, ни любовью, ни настойчивостью, необходимыми для руководства периодическим изданием? Мы дадим статью, мы дадим типографию и Чернецкого, — пусть только начнут. Бесплодие русской литературы поразительно, это — бесплодие пустыни. Скажите Черкесову, что мы согласны сотрудничать, но редактирования (морального и физического) на себя не возьмем»⁶⁶.

Из этого письма видно, насколько Герцен уже в это время не доверял русской эмиграции и как низко расценивал он ее силы и способности.

Замедление перевозки лондонской типографии на материк не могло не беспокоить «молодую эмиграцию». В июне 1864 г. Утин сделал попытку убедить в необходимости этого шага Огарева, который, как упомянуто выше, долго противился переезду. Утин писал Огареву: «Я с вами совершенно несогласен в том, что вы пишете о бесполезности для дела своего переезда. Тысячу раз неправда!! Ваш переезд сюда принесет весьма солидную пользу и нашему делу, и вам лично, т. е. вашему имени, как пропагаторов; а возвращение вашему имени престижа или, простите, того полного уважения, которое было еще недавно, т. е. два года тому назад — это дело нашей общей пользы».

Конечно, и это письмо Утина не могло рассеять сомнений Герцена, а скорее укрепляло их. Указание на утрату «престижа» и «полного уважения» не могло быть приятно ни ему, ни Огареву, и только заставило их еще больше колебаться относительно пользы переезда. Повидимому, они предложили представителям «молодой эмиграции» устроить свою собственную типографию, обещая ей поддержку при том условии, если в ее делах примет участие Касаткин. Такой проект не мог прийти по душе женевским эмигрантам. Их взаимоотношения с Касаткиным были более чем холодные. Этот раздражительный, придирчивый и мелочный человек успел восстановить против себя всех товарищей по эмиграции. В письме к Огареву (4 августа 1864 г.) Утин указывал, что Касаткин «имеет слишком много скверного самолюбия и очень много способности причинять сплетни и соры». При этом Утин ссылался на Стюарта, признавшего невозможным устройство вместе с Касаткиным типографии. Далее, Утин сообщал, что Стюарт готов предоставить Герцену и Огареву, буде они

пожелают открыть типографию в Женеве, шрифты, очевидно, сохранившиеся у него от бернской типографии, а также кредит, которым он пользуется во Франкфурте.

На следующий день по отправке этого письма Огареву Утин решил писать на ту же тему Герцену. В своем письме он вновь возражал против привлечения Касаткина, настаивая, чтобы заведывание типографией было возложено на Чернецкого, и вновь приводил предложение Стюарта.

Переговоры принимали такой характер, что обе стороны почувствовали необходимость личной встречи для окончательного выяснения своих взаимоотношений. Герцену нужно было вплотную приглядеться к эмигрантской среде в Женеве, чтобы учесть все плюсы и минусы перевозки типографии в этот город. Эмигранты рассчитывали при личном свидании добиться от Герцена того, чего не удавалось достичь



А. А. СЛЕПЦОВ

Фотография

Литературный музей, Москва

путем письменных сношений. Так возникла мысль об устройстве в Женеве эмигрантского съезда. Перед приездом Герцена в Женеву Утин отправил ему обширное письмо, в котором пытался заранее подготовить почву для соглашения. В этом письме он выдвигал четыре задачи, стоящие перед эмиграцией: 1) пропаганда, 2) установление регулярных сношений с Россией, 3) налаживание связей с людьми, могущими принести пользу революционному делу, и 4) конституирование и увеличение «Общего фонда». При этом Утин добавил, что первоочередными он считает первую и четвертую из этих задач.

Коснувшись вопроса о превращении «Колокола» в общеэмигранционный орган, Утин писал: «Вы этим самым указали бы на солидарность партии или, вернее, группы революционной... За каждым словом такого «Колокола» чувствовалась бы и друзьями и врагами сила, не личная, не индивидуальная, а обобщенная, совокупная, сплоченная теперь из десятка или двух людей, а скоро, при положитель-

ном вызове деятельного сочувствия в самой России, — сила, сплоченная из всего, что есть живого и революционного в России, — а с такой силой пришлось бы считать себя»⁶⁷. При несогласии Герцена с этим планом женевским эмигрантам, по словам Утина, не останется ничего другого, как основать свой журнал. «Разве не поразительно печально, — писал Утин, — было бы явление двух органов в такой небольшой среде, разве тупоумные враги не торжественно глумились бы над каким-то разрывом между нами, а ведь это был бы, в таком случае, разрыв между учителем и учениками, но учитель не для того мог отдавать свою жизнь на поучение, а ученики не того имели право ожидать».

Переходя к вопросу денежному, Утин писал: «Ваш карман слишком уже достаточно служил общему делу, мы хотели бы все принять равную долю участия и на себя; некоторые из нас имеют большие средства, другие — хоть малые; мы хотим, во-первых, сделать для начала одновременный вклад в «Общий фонд» и затем определить ежемесячный взнос. Этих средств, однако, вряд ли было бы достаточно для прочного обстройства всего». В виду этого Утин предлагал использовать хранившийся у Герцена так называемый «бахметевский фонд». История этого фонда общеизвестна, и мы не считаем нужным говорить о ней. Отметим только, что представители «молодой эмиграции» рассматривали его как достояние «революционного дела» и потому настаивали на употреблении его на нужды эмиграции. Герцен же не находил возможным касаться этого фонда.

Мы остановились на письме Утина потому, что при скудости известий, дошедших до нас о женевском съезде, это письмо приобретает исключительную ценность. Оно позволяет установить, какие именно вопросы дебатировались в Женеве и в каком направлении шло обсуждение их.

Герцен приехал в Женеву 28 декабря. Здесь он нашел уже многих эмигрантов, хотя некоторые из них подъехали позже Герцена. Кто же принимал участие в Женевском съезде?

Утин в цитированном выше письме, указывал, что в Женеву кроме него самого уже собрались следующие эмигранты: Мечников, приехавший из Италии, Якоби, бросивший «свои спешные занятия в Цюрихе для того, чтобы приехать сюда на общий съезд», Серно-Соловьевич, Жуковский, Гулевич, тот, «который привозил к вам летом мужичка» (кого имеет в виду Утин, определить не удалось) и «все остальные» (т. е., очевидно, эмигранты, постоянно проживавшие в то время в Женеве).

Из писем Герцена видно, что в переговорах участвовали также сын Герцена, Касаткин, Усов, Лугинин, Ковалевский, Шелгунова. Возможно, что кроме этих лиц присутствовали Черкесов, близкий друг и неразлучный спутник Серно-Соловьевича, и Бакст со Стюартом, заинтересованные в использовании хранящегося у них шрифта бернской типографии. Наверное, их-то и подразумевал Утин под «всеми остальными». Участвовал ли в съезде Николадзе, остается невыясненным, но вряд ли: в 1864 г. и начале 1865 г. он жил в Париже и не был еще так тесно связан с женевскими эмигрантами, как позднее.

Итак, на съезде присутствовало человек пятнадцать.

Остановившись на тех участниках съезда, о которых нам еще не приходилось говорить, а также на Лугинине (это необходимо, чтобы выяснить его позицию на съезде).

Лугинин знаком уже нам по его деятельности в Гейдельберге. Это был сын богатейшего помещика Ветлужского уезда Костромской губернии (о размерах его имения можно судить по тому хотя бы, что после освобождения крестьян и отвода им земельных наделов у Лугинина-отца оставалось 200 000 десятин земли⁶⁸). В. Ф. Лугинин родился в 1834 г. Он получил прекрасное воспитание, окончил Артиллерийскую академию, участвовал в Крымской войне, на Дунае и в Севастополе, где, между прочим, познакомился с Л. Н. Толстым; затем вернулся в Петербург и вышел в отставку. В Петербурге он сблизился с левыми общественными кругами и был знаком с Чернышевским, который с несомненной симпатией изобразил его в «Прологе» под фамилией Нивельзина. Мы упоминали уже, что Лугинин был причастен к изданию в 1861 г. прокламаций «Великорусс». В марте 1862 г. он уехал в Гейдельберг, чтобы заниматься химией. За границей он прожил до 1867 г. В эти годы он был очень близок к Герцену, который отзывался о нем как об единомышленнике. Полного единства во взглядах между ним и Герценом, однако, не было. Это обнаружилось еще в 1862 г., когда Лугинин, поддерживая И. С. Тургенева, возражал против проекта адреса царю, составленного Огаревым. Лугинин жил за границей не только из-за своих научных занятий, но и из ненависти к диким полицейским порядкам, царившим на его родине. Сообщая своему приятелю проф. Г. М. Сехановецкому о намерении вернуться в Россию весной 1864 г., Лугинин считал нужным оговориться: «Это, впрочем, если дело поправится и дикий московский фанатизм немного уляжется, а то теперь там делать нечего, только праздным протестом испортишь дело в будущем и потеряешь возможность быть полезным»⁶⁹. На ряду с ненавистью к самодержавию, другой характерной чертой Лугинина было высокомерно-пренебрежительное отношение к русскому народу. Об этом можно су-

дять по дневнику А. П. Сусловой, которая встречалась с Лугнинным в 1864 г. в Париже. Суслова рассказывает, что однажды у нее был спор с Лугнинным и Усовым о русской национальности: «оказалось, что они ее не уважают». При этом Лугнин заявил, что «с большим бы удовольствием послужил бы во Франции или Англии, но остается в России, потому что знает русские обычаи и русский язык, но с русскими ничего общего не имеет, ни с мужиком, ни с купцом, не верит его верованиям, не уважает его принципов». О космополитизме Лугнин говорил, что это «очень хорошая вещь; не все ли равно, что желать добра русскому, что француз»⁷⁰. Итак, ни социалистом, ни сторонником крестьянской революции Лугнин не был. Его можно причислить скорее к конституционалистам и либералам, более последовательным и менее оппортунистичным, чем большинство русских либералов.

И в дневнике Сусловой, и в письмах Бакунина и Салиаса⁷¹, и очень часто в письмах Герцена рядом с фамилией Лугнинна стоит фамилия Усова (иногда только У.). Это и есть тот Усов, который присутствовал на женевском съезде. Ни М. К. Лемке, ни другие исследователи, комментировавшие документы, в которых упоминается об Усове, не давали пояснений относительно того, кем был этот Усов. Только А. С. Долинин в примечаниях к дневнику Сусловой, основываясь на упоминании Герценом об уроках по математике, которые брал у Усова Огарев⁷², высказал предположение, что этим Усовым был инженер путей сообщения Петр Иванович Усов (1832—1897), автор «Курса строительного искусства» (1860)⁷³. Однако это предположение совершенно ошибочно. Интересующим нас Усовым был Степан Александрович Усов (1825—1890). Остановимся кратко на биографии этого дружески относившегося к Герцену и Огареву человека, чтобы доказать, что именно он упоминается в письмах Герцена и в дневнике Сусловой.

С. А. Усов получил образование в Московском университете; по окончании его поступил в Михайловское артиллерийское училище, из которого вышел в 1848 г., и участвовал в походе в Венгрию. Затем он был преподавателем в кадетском корпусе в Москве, а в 1853 г. по собственному желанию пошел на войну. Командуя Казачьей ракетной батареей, он участвовал в осаде и штурме Карса. После войны он неоднократно ездил в служебные командировки за границу и некоторое время исполнял должность русского военного агента в Англии. В 1862 г. он был назначен членом артиллерийского комитета и редактором «Артиллерийского Журнала». Однако в следующем году Усов оставил военную службу (весьма вероятно, что он не хотел принимать участия в подавлении польского восстания) и уехал за границу. Вернулся Усов на государственную службу в 1867 г., получив должность профессора Артиллерийской академии. В Петербурге он сблизился с редакцией газеты «Неделя», бывшей в те годы органом радикального направления. Он присутствовал на собраниях редакции и оказывал ей материальную помощь. Редактор «Недели» П. А. Гайдебуров отзывался об Усове как о «серьезном, почтенном и широко образованном человеке»⁷⁴. Помимо Артиллерийской академии Усов преподавал физику в Военно-медицинской академии, в Инженерной академии и на Высших женских курсах. В 1880 г. он был произведен в генерал-майоры, а с 1884 г. и до смерти состоял помощником начальника Главного управления почты и телеграфов.

Известный физик О. Д. Хвольсон отзывался об Усове как о «блестящем преподавателе» и как о человеке, соединявшем «в одном лице храброго воина, глубокого ученого, в смысле знатока наук теоретических, и человека практики, прекрасно понимавшего технические применения науки». О годах своего пребывания за границей Усов, по словам Хвольсона, всегда вспоминал с любовью. «В Париже он слушал лекции у таких светил, как Ламэ, и принимал участие в целом ряде классических работ Реньо над теплоемкостью газов, над скоростью звука и т. д.»⁷⁵.

Однако Усов интересовался не только физикой, но и политикой. С Герценом он познакомился еще в 1859 г., в бытность свою в Англии. Перечисляя в письме к Огареву от 21 ноября этого года своих посетителей, Герцен упоминает Усова, добавляя «с пушки и Карса»⁷⁶. Смысл этого добавления совершенно ясен для нас, после того как мы ознакомились с биографией С. А. Усова. О политических взглядах Усова мы можем судить по дневнику Сусловой и по письмам Герцена. Из приведенной выше выдержки из дневника Сусловой нам уже известно, что Усов разделял взгляды своего друга Лугнинна. В другом месте своего дневника Суслова рассказывает о споре, который однажды произошел у нее между Усовым и Е. И. Утиным, братом эмигранта, известным впоследствии адвокатом-дельцом и либеральным публицистом. В то время, к которому относится рассказ Сусловой (1864 г.), Утин любил рисоваться радикализмом своих взглядов и своими симпатиями к революции. В разговоре с Усовым он отозвался об англичанах, как об узколобой нации. Усов на это возразил, что «в Англии до того распространена свобода, что едва ли где может быть». Тогда Утин сослался на тяжелое положение английских рабочих. Усов отвечал, что рабочие в Англии «живут лучше наших чиновников», что, по его мнению, в Англии «каждый работник может быть собственником» и что, наконец, правительство не должно вмешиваться в отношения между предпринимателями и рабочими. При этом Усов говорил: «Я не поклонник революции, мне кажется, давно было пора бросить эту мысль, что революцией только и можно добиться путей;

конечно, в стране, как Россия, где шестьдесят миллионов жителей невежд, и если между ними один образованный, и ему затыкают горло, — всякое средство хорошо, но там, где есть хоть какие-нибудь задатки, — непростительно... Нам нужна революция. (Я не радуюсь революции, но смотрю на нее, как на печальную необходимость)»⁷⁷.

Что касается Герцена, то в одном из писем к Огареву он называл Усова «чистейшим конституционалистом» и сообщал, что Усов «сильно ругает» «Колокол» [несомненно, за проповедь социалистических идей. — Б. К.]. В другом письме к тому же Огареву, Герцен писал: «Усов уважает нас лично и tant soi peu [хотя немного] любит, но он ни в чем не согласен с нами, кроме в скептической закраине. Народ, страну он не ненавидит»⁷⁸.

Из этого видно, что Усов был не только другом, но и полным единомышленником Лугинина.

В. О. Ковалевский, впоследствии известный геолог и палеонтолог, как и Усов, не был эмигрантом. Из России он приехал незадолго до женеvского съезда и был пригласен на него, повидимому, в качестве представителя петербургских революционных кружков, с которыми Ковалевский был связан.

Не принадлежала к числу эмигрантов и Л. П. Шелгунова, жена известного публициста Н. В. Шелгунова. Она жила в Швейцарии не по политическим причинам, а по увлечению А. А. Серно-Соловьевичем. За границей она занималась тем, что содержала пансион сперва в Цюрихе, позднее в Женеве⁷⁹. Не по политическим убеждениям своим, а из привязанности к Серно-Соловьевичу она во всем поддерживала его мнения.

Из всех участников женеvского съезда Герцен мог найти себе поддержку только в Касаткине, прозванном эмигрантами «герценовской цепной собакой»⁸⁰, Лугинине и Усове. Утин, Серно-Соловьевич, Якоби, Гулевич, Шелгунова, Черкесов, Бакст и Стюарт, несомненно, выступили против него. Не ясна позиция Мечникова, и до и после съезда бывшего постоянным сотрудником «Колокола», Жуковского, об отношении которого к Герцену нам ничего не известно, и Ковалевского, который относился к Герцену с большим уважением и в 1866 г. перевез в Россию его роман «Кто виноват». Во всяком случае, с их стороны Герцен не мог встретить такой резкой оппозиции, как со стороны других участников совещаний.

Вспоминя впоследствии о женеvском съезде, Л. И. Мечников рассказывал: «Молодая эмиграция» требовала, чтобы редакция газеты зависела от целой корпорации эмигрантов, которой должен был быть передан и фонд Бахметева и еще сумма, обеспечивающая «Колокол». Герцен, основываясь, главным образом, на том, что «Колокол» есть литературное дело, а из молодых эмигрантов мало кто доказал свои способности к литературе, не соглашался выпустить редакцию «Колокола» из своих рук, хотя обещал печатать подходящие писания эмигрантов, даже платить за них гонорар и допустить постоянных сотрудников газеты в совет редакции, но не соглашался передать газету и фонды в руки корпорации, не представляющей никаких гарантий своей умелости и прочности»⁸¹.

Письма Герцена позволяют внести ряд существенных добавлений в это краткое сообщение Мечникова.

30 декабря Герцен писал Н. А. Огаревой: «Юные птенцы клюют старого пеликана, и хотя все делать так, чтобы делали все мы — это не из дурной цели». На следующий день он вновь пишет Огаревой: «Переговоры об журнале, обо всем идут медленно, и я не знаю, уеду ли я прежде 8-го».

2 января Герцен сообщал Огареву: «Шлюсь на Лугинина и Усова, что я больше уступал возможного и справедливого, но они все что-то хлопочут и интригуют. В последние два дня я увидел, что, несмотря на palazzo, присланное Касаткиным [для Герцена и его типографии], Женева невозможна, по крайней мере, почти невозможна от этих праздных интриганов. Может, они и хорошие люди, но самолюбие все потемнило».

Письмо от 4 января тому же Огареву показывает, что после длительных переговоров и споров стала намечаться возможность притти к соглашению. Герцен считал даже переговоры законченными.

«Здесь я покончил мирно, — сообщал Герцен. — Молодые люди отказались (откровенно ли или нет) от своих требований и обещали горы работ и корреспонденций к 1 мая. Помощи по типографии и пр. от них ждать нечего, скорее Касаткин сделает что-нибудь. Мне с ними ужасно скучно, — все так узко, ясно, лично и ни одного интереса ни научного, ни, в самом деле, политического; никто ничему не учится, ничего не читает. Утин хуже других по безграничному самолюбию... Не говоря о Касаткине, Лугинине, Усов смотрят хуже меня. Ковалевский гораздо лучше других. После всех переговоров, «заседаний» и пр., родилась следующая программа, которую я тебе посылаю. Такую программу и подобную можно составить mille e tre [тысячу и три] в день. Я на нее совершенно согласился. Что «Колокол» издавать в Лондоне при новом взмахе в России нельзя, это для меня ясно. Здесь перекрещиваются беспрерывно едущие из и во Францию, из и в Италию, здесь многие живут и пр. Но что мы будем делать с милой оравой этой, я не знаю».

К сожалению, программа, о которой упоминает Герцен, до сих пор неизвестна. Впрочем, практического значения она не приобрела. 7 января Герцен писал Огареву: «Женевские шенята в последнюю минуту отказались от всего (по приказу из Цюриха), — да черт же с ними, наконец». На следующий день он сообщил Огареву подробности относительно срыва налаженного соглашения: «После ежедневных прений и разговоров, в которых под скрытой симпатией и уважением крылась мелкая оппозиция и желание захватить в свои руки «Колокол» и деньги Бахметева, после программы, которую я послал тебе, — за час до моего отъезда является один из них с заявлением, что цюрихские господа несогласны (Серно-Соловьевич — главный противник наш, Якоби и Шелгунова), что они стоят на своем. «Колокол» издавать по большинству голосов или издавать журнал на Бахметевские деньги. Итак, что предвидел Лугинин, что говорил Касаткин, — все оправдалось. Пора же, наконец, и тебе окончательно вразумиться на их счет. У них нет ни связей, ни таланта, ни образования; один Мечников умеет писать; им хочется играть роль, и они хотят употребить нас пьедесталом. Я доказал им до чего



ЖЕНЕВА

Гравюра

Музей изобразительных искусств, Москва

идет моя уступчивость. Лугинин и Касаткин дивились мне. Ну, и баста. Ты знаешь, у меня никогда не лежало к ним сердце, — у меня есть свое чутье... Женева, при разрыве с этими господами делается превосходным местом. Они надоели бы как горькая редька. Au reste, я твоим личным вкусам не хочу препятствовать, но работать с ними нельзя»⁸².

Итак, из женевских переговоров ничего не вышло. Герцен уехал из Женевы (6 января), возмущенный несправедливости, по его мнению, притязаниями эмигрантов. «Молодая эмиграция» негодовала на Герцена за его нежелание пойти навстречу ее законным, как ей казалось, пожеланиям. Это еще не было полным разрывом между «отцами» и «детьми» русской эмиграции, но предвещало его близость. И когда этот разрыв произошел, один из представителей «молодой эмиграции» бросил Герцену в лицо резкий протест против его поведения в Женеве.

«А молодая эмиграция и ваши отношения к ней?.. — писал он. — Когда эти юноши со святыми ранами, о которых вы проливали слезы, сделались вдруг эмигрантами и, спасаясь в Швейцарии от каторги и виселицы, ободранные и голодные, обратились к вам, вождю, миллионеру и неисправимому социалисту, обратились не с просьбой о насущном хлебе, а с предложением общей работы, вы отвернулись и с гордым презрением отвечали: «Что это за эмиграция? Я не признаю эмиграции! Не надо эмиграции!»⁸³.

IV. РАЗРЫВ И ПОПЫТКИ СБЛИЖЕНИЯ

Во второй половине 60-х годов ряды русской эмиграции увеличились новыми беженцами из России.

В конце 1865 г. в Швейцарии появился М. К. Элпидин, которому предстояло играть заметную роль в делах русской эмиграции. Это был видный участник студенческого движения и революционных кружков Казани. В 1863 г. он был арестован за распространение прокламации «Долго давили вас, братья». В июле 1865 г. ему удалось бежать из казанской тюрьмы и благополучно переправиться через русскую границу⁸⁴.

В 1866 г. из Казани же бежали два товарища Элпидина по революционному кружку — С. Я. Жеманов и А. Я. Шербаков. Оба они были арестованы по делу о казанском заговоре 1863 г. и оба были приговорены к каторжным работам, от которых им удалось спастись бегством.

В том же 1866 г. бежал за границу бывший офицер В. А. Озеров, организовавший в России бегство известного польского революционера, в будущем главнокомандующего войсками Парижской Коммуны, Ярослава Домбровского и его жены. Биография Озерова весьма мало известна, однако несомненно, что это был незаурядный человек. Рекомендую его Герцену, Домбровский писал: «Ротмистр Озеров принадлежит к числу тех светлых личностей, которые мечтали в России о свободе и с самоотвержением боролись против катковщины... Вы найдете в Озерове честного и мыслящего человека, горячего патриота, предприимчивого конспиратора и смелого агента. Таких, как он, людей немного, и мне остается только поздравить вас с находкой и пожалеть от души, что Озеров не поляк»⁸⁵.

Озеров поселился в Париже и до переезда своего в 1870 г. в Швейцарию участия в делах русской эмиграции почти не принимал.

В том же 1866 г. появился в Швейцарии молодой поэт Н. А. Вормс. Эмигрантом он не был и являлся за границу для лечения. Однако он сошелся с эмиграцией и имел резкое столкновение с Герценом, о котором будет упомянуто ниже.

В конце 1868 г. или в начале 1869 г. в Швейцарии появились Антон Труссов, супруги Бартеневы и О. С. Левашева, сестра жены Н. И. Жуковского. Все эти лица примкнули к кружку Н. И. Утина и вместе с ним явились в 1870 г. организаторами Русской секции I Интернационала.

Наконец, необходимо упомянуть о переезде осенью 1867 г. в Швейцарию М. А. Бакунина. До этого он провел ряд лет в Италии и с 1863 г. близкого участия в делах русской эмиграции не принимал. В Швейцарии в качестве революционера, пользующегося мировой известностью, он невольно стал центром, вокруг которого группировалась значительная часть русской эмиграции. Появление Бакунина в Швейцарии явилось новым фактором во взаимоотношениях Герцена с «молодой эмиграцией», отнюдь не способствовавшим их оздоровлению.

Как мы говорили уже в предыдущей главе, на женевском съезде между Герценом и эмигрантами едва не состоялось соглашение, осуществиться которому помешал только протест цюрихчан — наиболее непримиримо настроенной по отношению к Герцену части «молодой эмиграции». Поэтому неудачный исход женевских переговоров не повлек за собою полного разрыва между Герценом и «молодой эмиграцией» в целом. С частью эмигрантов Герцен продолжал поддерживать и личные, и литературные связи. Можно сказать более: никогда ранее в «Колоколе» не являлось столько статей эмигрантов, как в 1865—1866 гг. Л. И. Мечников продолжал, как и раньше, сотрудничать в герценовском журнале. На страницах его появляется ряд статей Н. Я. Николадзе. Вскоре после прибытия Элпидина в Женеву, Герцен напечатал его статью о казанском заговоре. В 1866 г. в «Колоколе» печатаются статьи Вормса⁸⁶. Этим не исчерпывалось сотрудничество «молодых эмигрантов». Несомненно, были и другие статьи, написанные ими, но по недостатку данных мы не имеем возможности установить их авторов. Таким образом, Герцен в известной степени сдержал свое обещание, данное в Женеве, привлечь молодежь к более близкому участию в своем журнале. Но это, как мы увидим ниже, привело лишь к дальнейшему ухудшению его отношений с ними. Иначе обстояло дело с другим обещанием, которое Герцен, по видимому, также делал во время женевских совещаний — относительно превращения его типографии в акционерное предприятие. Немедленно после выезда из Женевы он сообщил Огареву: «Про типографию на акциях я писал, — это пойдет, но с другим кругом»⁸⁷. Другими словами, «молодую эмиграцию» Герцен решил отстранить от участия в этом деле. Вместе с этим, несмотря на протест со стороны Огарева, он решил сделать Касаткина своим помощником по типографии: «Заведывать морально буду я, голландской сажой — Чернецкий, Касаткин — associé [компаньоном]. Герцену хотелось сложить на Касаткина всю экономическую часть дела, как чисто техническую на Чернецкого»⁸⁸.

Итак, были выпущены акции стоимостью в 200 франков⁸⁹. Как видно из правил акционерного общества, учредителями его были, помимо Герцена и Огарева, Касаткин, Чернецкий, Долгоруков и В. Стрельцов, т. е., по видимому, В. Ф. Луги-

нин (правила эти хранятся в рукописном отделении Библиотеки им. Ленина). Как и следовало ожидать, акции расходились туго; об этом можно судить по следующей фразе Герцена в одном из писем к Огареву: «По очень делному совету Тхоржевского, посылаю две акции типографии; передай их кн. Долгорукому на всякий случай: может и подвернется кто»⁹⁰. Одна акция была приобретена Усовым.

От превращения в акционерное предприятие дела типографии не пошли лучше. Она не окунала расходов на ее содержание. Пришлось из русской типографии превратить ее в интернациональную; были приобретены польский, сербский, французский и английский шрифты. В «Колоколе» (от 1 января 1866 г., № 211) появилось объявление, сообщавшее, что «типография снабжена новыми шрифтами и может ручаться не только за точное и красивое выполнение, но и за сравнительную дешевизну заказов»⁹¹. Таким образом, знаменитая «Вольная русская типография» становилась коммерческим предприятием. Герцен передал ее в собственность Л. Чернецкого.

Дела типографии осложнились еще и тем, что в 1866 г. она утратила свое монопольное положение. В этом году в Женеве же возникла другая русская типография, основанная М. К. Эллидиным.

В еще более жалком состоянии, чем типография, находился «Общий фонд», основанный при редакции «Колокола». Пожертвования и взносы поступали в него очень редко. Особенно после того, как «молодая эмиграция» основала в 1865 г. свою собственную кассу взаимопомощи.

Если верить Гижницкому, поводом для учреждения этой кассы послужило столкновение, происшедшее между Герценом и другим эмигрантом, которого Гижницкий обозначает буквой «Л». Последний просил у Герцена заимообразно 120 франков из «Общего фонда». Герцен отказал, соглашаясь выдать только половину. «Л» передал этот инцидент на суд эмигрантов. «Кровный враг» Герцена Якоби созвал всех эмигрантов, которые и решили создать кассу взаимопомощи особо от «Общего фонда»⁹².

История этой кассы известна нам очень мало. Распорядителем кассы был избран Мечников, а кассиром — Николадзе. Поступления кассы состояли из ежемесячных взносов, которыми были обложены все ее члены, и из одновременных пожертвований. Герцен был членом этой кассы и вносил в нее по 50 р. в месяц. Ссуды выдавались срочные и бессрочные. О размерах средств, которыми располагала касса, можно судить по ее отчету с 1 сентября 1865 г. по 1 января 1866 г., напечатанному в № 213 «Колокола» от 1 февраля 1866 г. За это время поступило 613 франков 70 сантимов; израсходовано 434 франка. Были, хотя и незначительные (45 руб.), поступления из Петербурга.

Касса взаимопомощи просуществовала недолго. В ней обнаружилась недостача денег. Судя по брошюре А. А. Серно-Соловьевича «Миколка-публицист» (Женева, 1868 г.), виновником был кассир Николадзе. Неизвестно, как объяснял он случившееся, но в конце концов эмигранты простили ему растрату. Кончилась эта история тем, что Мечников все оставшееся в кассе деньги передал в «Общий фонд» Герцена. Ко времени ликвидации кассы ее средства составляли 257 франков наличными и 212 франков обязательствами получивших ссуду⁹³. Это произошло в сентябре 1866 г. «Общий фонд» не надолго пережил эмигрантскую кассу. В «Колоколе» от 15 мая 1867 г. было помещено объявление о ликвидации «Общего фонда». Причиной этого были какие-то обвинения, возникшие в связи с «Общим фондом» против Герцена среди эмигрантов. В письме к Г. Н. Вурубову Герцен писал, что он уныл, что жил фонд, «благодаря нахальству эмигранцев»⁹⁴. Это было, конечно, большой неприятностью для нуждающихся эмигрантов. Хотя «Общий фонд» и располагал весьма ограниченными средствами, однако некоторую помощь нуждающимся он все же оказывал. Об этом можно судить по тому хотя бы, что ко времени ликвидации фонда задолженность ему эмигрантов достигала 1400 франков. Надо отметить, что и после ликвидации фонда Герцен продолжал оказывать некоторую материальную помощь эмигрантам из своих личных средств.

Столкновения между Герценом и «молодой эмиграцией» происходили и на почве сотрудничества эмигрантов в «Колоколе». Так, например, Эллидин сделался непримиримым врагом Герцена после того, как Герцен отказался принять его, когда он явился за получением гонорара, предложив ему притти для этой цели в приемный день⁹⁵.

Еще более неприятная история произошла между Герценом и Н. Ворсом, не предупредившим Герцена о своем желании получить за напечатанную в «Колоколе» статью гонорар (обычно статьи в «Колоколе» и других изданиях Герцена не оплачивались). Когда Герцен узнал о недовольстве Ворса, он предложил ему 200 франков и несколько экземпляров «Колокола» для сбыта⁹⁶.

Столкновения между Герценом и «молодой эмиграцией» происходили не только на личной почве, но и на идейной. Молодежь была недовольна направлением, в котором ведется «Колокол». Некоторые выступления Герцена и Огарева вызвали горячее негодование среди молодых эмигрантов.

Одним из таких выступлений была статья Герцена «Иркутск и Петербург», которой он отозвался на покушение Каракозова на Александра II. Герцен резко вы-

ступил против индивидуального террора. «Только у диких и дряхлых народов, — писал он, — история пробивается убийствами». Каракозова Герцен называл «сумасшедшим» и «фанатиком»⁹⁷.

По словам Герцена, после этой статьи он получил ряд анонимных ругательных писем. «Меня, — сообщил он сыну, — хотят опубликовать как изменника... и наказать... за то, что я Каракозова назвал сумасшедшим»⁹⁸. Эмигрант Гулевич, по сведениям III Отделения, обвинял Герцена, говоря, что ему надо было «не выставлять Каракозова сумасшедшим, а писать в таком духе, чтобы кровь кипела и рука не дрогнула взвести курок еще раз»⁹⁹. Обвинения против Герцена проникли и в печать. В Швейцарии появились две прокламации, изданные на французском языке, одна от имени Лондонского, другая Московского комитетов «Космопоэтического Общества Стражей Истинных Познаний». Это были документы бредового характера. В них Дмитрий Каракозов провозглашался «сыном Божиим», «истинно-великим Человеком», совершившим «величайший из подвигов». Герцена авторы прокламаций приглашали отречься от своей статьи, предупреждая: «В противном случае он будет объявлен предателем Творца и человечества, как самый ярый защитник политики и монархизма»¹⁰⁰. Повидимому, эти прокламации вышли из каких-то религиозно-настроенных кругов польской эмиграции, но есть основания предполагать, что некоторое отношение к ним имел и Элпидий. К чести Герцена следует отнести, что он решил игнорировать эти прокламации и ничего не отвечать на них: «на первую минуту это сердит, но потом смешно»¹⁰¹. Впрочем, он счел нужным объяснить, что слову «фанатик» он отнюдь не придавал «смысла бранного», а позднее, отзываясь на покушение поляка Березовского на того же Александра II, написать: «Ни вопль безумных крикунов, ни брань сильных мира сего не заставят нас ни превозносить этого рода попыток, влекущих за собою страшные бедствия, ни произнести слова осуждения мученикам, которые обрекают себя на смерть и которых совесть чиста, именно потому, что они фанатики»¹⁰².

Не меньший шум и протесты со стороны польских и русских эмигрантов вызвала статья Огарева «Продажа имений в Западном крае», напечатанная в № 229 «Колокола» и посвященная принудительной продаже русским правительством земель польских помещиков, принимавших участие в восстании 1863 г. Эта мера, направленная на насильственную руссификацию края, не вызвала принципиальных возражений со стороны Огарева, наивно усмотревшего в ней отступление от «религии собственности» и выразившего надежду, что «немного погодя русским дворянам будет приказано продать свои земли не дворянам — и вот осуществится давно желаемая ликвидация словий». При этом Огарев давал русскому правительству совет передавать польские помещицкие земли не русским дворянам и чиновникам, как оно делало, а крестьянам, или местным, или готовым вследствие малоземелья переселиться из внутренних губерний в Западный край.

Эта статья Огарева вызвала целую «катавасию», по выражению Герцена. «Поляки здешние, — писал он Н. А. Герцен, — ужасно огорчились статьей Огарева, ... назначили комиссию, хотят писать адрес, протест во французских журналах, говорят что мы не лучше Каткова и пр.»¹⁰³. Протестовали не только поляки, но и русские эмигранты Серно-Соловьевич издал брошюру «Question polonaise. Protestation d'un Russe contre le Kolokol», перевод которой на русский язык читатель найдет в настоящем томе «Литературного Наследства». Отсутствие протеста со стороны Огарева против руссификаторской политики и его странная уверенность в том, что русское правительство займется «ликвидацией словвий», не могли не возмутить Серно-Соловьевича. Этим объясняется страстность, с которой он выступил против статьи Огарева. Герцену пришлось взять под защиту своего друга и попытаться завуальровать его более чем неудачное выступление. В статье «Нашим польским братьям» Герцен писал: «Абсолютное, неотчуждаемое право польской национальности было всегда для нас догмой»¹⁰⁴.

Были и другие пункты идейных разногласий, отделявших Герцена и Огарева от остальной эмиграции. Они выясняются, когда мы будем говорить о резком выступлении Серно-Соловьевича против Герцена, а до этого нам необходимо остановиться на одной попытке наладить совместную работу Герцена с частью «молодой эмиграции». Вопрос вновь возник об издании общего журнала или «Revue», как выражались участники переговоров.

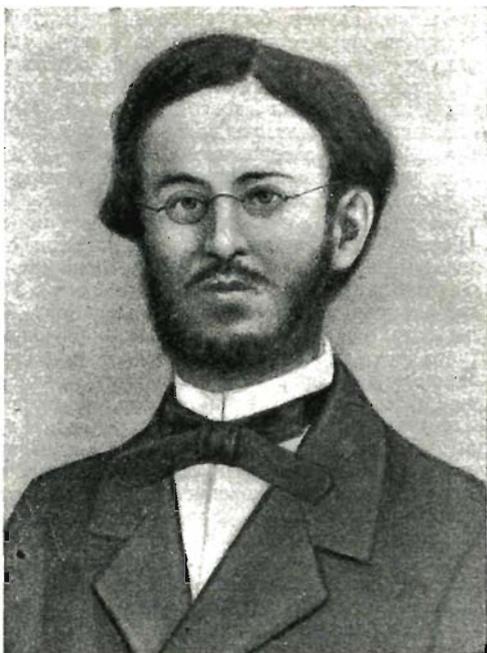
Толчок к началу этих переговоров, быть может, дал сам Герцен, напечатавший в конце 1866 г. в № 222 «Колокола» заметку, в которой он, указывая на тяжелые цензурные условия в России, приглашал русских литераторов и журналистов вспомнить о возможности печатать свои произведения за границей. «Всего лучше было бы, — писал он, — основать большое «Revue», рано или поздно необходимость доведет же до периодического издания за границей»¹⁰⁵.

Инициатива переговоров исходила от Мечникова и Жуковского. Они считали, что создание русского заграничного журнала должно быть делом эмигрантов. Литераторы, живущие в России, могут присылать материалы для этого журнала, но требовать от них, чтобы они сами организовали его — невозможно. Исходя из этого, они в январе 1867 г. вступили в переговоры с Огаревым, предлагая ему и Герцену

Н. И. УТИН

Фотография

Музей Революции, Москва



совместно с ними издать пробный сборник и посмотреть, какой прием будет оказан ему в России. Момент для выпуска пробного сборника они считали особенно удобным потому, что приближалось открытие всемирной выставки в Париже, в связи с чем за границу ожидался большой наплыв русских туристов. К Мечникову и Жуковскому присоединился Н. И. Утин, которому случайная встреча с Герценом в Базеле дала, как он сообщил Огареву, основание надеяться на возможность наладить совместную работу с издателями «Колокола».

Огарев с радостью ухватился за это предложение и поспешил сообщить о нем Герцену, находившемуся в это время во Флоренции. В издании предположенного сборника, который в случае успеха первого номера должен был превратиться в журнал, выходящий четыре раза в год, Огарев видел воссоздание «Полярной Звезды», не выходявшей с 1861 г. Он предполагал, что этот сборник сохранит старое название, когда-то столь популярное в России. Огарев был уверен в успехе нового издания. Он считал, что выход его позволит превратить «Колокол» в «газету с политическими статьями и обличительной смесью», новый же журнал станет теоретическим органом «с научно-социальным направлением». «Заметь, — писал он Герцену, — что revue не в пике «Колоколу» пойдет, а напротив того поставит его, как газету, а сама сосредоточит учение, т. е. тут является газета и книга. Я при этой мысли чувствую прибавление силы»¹⁰⁶.

Ответ Герцена чрезвычайно огорчил Огарева. Герцен писал: «Итак... старая штука повторяется: revue будут издавать общими силами, но так, что деньги и статьи будут наши. Да, ведь, если б мы хотели издавать, зачем же было нам спрашивать или ждать Утина? Где доказательство яростного желания читать заграничные издания? И если оно есть, как же не найдут капиталисты in spe, как Утин, кредиту помимо нас? Это была штука, и ты опять попался в нее... Может, и грех, но денег я не могу дать». «Я всегда найду, — добавлял далее Герцен, — сотню человек, которые на даровых прогонах поедут в храм бессмертия и лавров, обернутые «Полярной Звездой»¹⁰⁷.

Огорченный отказом Герцена, Огарев поспешил разъяснить своему другу, что он не вполне точно понял предложение Мечникова, Жуковского и Утина. Последние вовсе не рассчитывали на карман Герцена, они надеются на получение денег из России и предлагают, чтобы каждый автор оплачивал расходы по напечатанию своей статьи. До тех же пор, пока они не получили денег из России, Огарев просил Герцена дать им взаймы 1000 франков из бахметевского фонда¹⁰⁸.

Уступая настояниям своего друга, Герцен согласился дать заимообразно просимую Огаревым сумму, вновь, однако, подчеркивая, что он абсолютно не верит в успех задуманного предприятия. «Затем я спрашиваю, — писал он, — где статьи? чьи статьи?.. Ведь эти милые юноши — большею частью юноши бездарные. Revue не пойдет, потребности на него нет»¹⁰⁹.

Итак, Герцен был согласен дать деньги. Почему же предположенный журнал все же не осуществился? Дело в том, что в переговорах выяснилась одна сторона дела, которую Огарев старательно обходил в своих письмах к Герцену — политическое расхождение между участниками переговоров. В письме к Герцену от 7 февраля Огарев уверял своего друга, что Мечников и Утин «явились с предложением и желанием не выходить из-под нашего флага»¹¹⁰. В действительности дело обстоит совершенно иначе. Во время переговоров Утин упорно настаивал на необходимости предварительной выработки программы будущего журнала. При этом он указывал, что у «Колокола» за последнее время нет никакого направления, что он «свелся на личный орган», ведущийся вне связи с современными событиями в России. Не довольствуясь этим, Утин считал необходимым отметить пункты разногласий, существующих между Герценом и Огаревым, с одной стороны, и «молодой эмиграцией», с другой. Во-первых, Утин возражал против обращений Герцена в «Колокола» с письмами к Александру II. Мы, писал он Огареву «отвергаем возможность какого бы то ни было обращения к Зимнему Дворцу». Во-вторых, он строго осуждал известную нам статью Огарева о продаже польских имений в Западном крае. Он указывал на недопустимость одобрять петербургское правительство даже в том случае, если бы оно вздумало превратить Польшу в «социалистическую фаланстерию». «Польская земля должна быть свободна от русского ига и только до этого нам есть дело», — писал он. Наконец, Утин настаивал на том, чтобы Герцен и Огарев изменили свое отношение к «молодой эмиграции»: «Пора перестать отвергать с пренебрежением юношей, наоборот, вы должны употребить все силы, чтобы извлечь пользу для вашего органа из каждого из нас». В другом письме к Огареву Утин доказывал необходимость предварительной выработки программы будущего журнала, против чего возражал Огарев, мотивировавший свое предложение тем, что договаривающиеся стороны расходятся друг с другом по направлению на ^{9/10}.

Конечно, при таких условиях трудно было рассчитывать на успешный исход переговоров. К началу апреля 1867 г. вполне выяснилась безнадежность затеянного предприятия, и переговоры прекратились, приведя только к росту недовольства Герценом и Огаревым среди молодых эмигрантов. «Мечников и все на меня дуются», — сообщал Герцен 25 апреля Н. А. Огаревой¹¹¹.

В то время как Огарев вел переговоры с Утиным и его товарищами, в типографии Эллидина набиралась и печаталась брошюра А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», вызвавшая полный разрыв Герцена с «молодой эмиграцией». Эта брошюра была ответом на статью Герцена «Порядок торжествует», напечатанную в № 230, 231—232 и 233—234 «Колокола»¹¹². Однако Серно-Соловьевич не ограничился полемикой против этой статьи, а давал общую — и притом очень резкую — характеристику политической деятельности Герцена.

Написав свою брошюру, Серно-Соловьевич первоначально обратился для печатания ее в «Вольную русскую типографию», но получил отказ¹¹³. Тогда он прибег к помощи Эллидина.

Ученика и последователя Чернышевского, Серно-Соловьевича в статье Герцена больше всего затронуло то место, где Герцен говорит о Чернышевском. Упомянув о своем «русском социализме», идущем «от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от обычного владения и обычного управления», Герцен противопоставлял ему «теории чисто западного социализма», развиваемые «с огромным талантом и пониманием» Чернышевским. «Это раздвоение, совершенно естественное, лежащее в самом понятии, вовсе не представляло антагонизма. Мы служили взаимным дополнением друг друга»¹¹⁴.

На это утверждение Герцена Серно-Соловьевич и обрушивался с особой силой.

«Вы дополняли Чернышевского! — писал он, — нет, г. Герцен, теперь уже поздно прятаться за Чернышевского... Между вами и Чернышевским нет, не было и не могло быть ничего общего. Вы — два противоположные элемента, которые не могут существовать рядом, друг возле друга; вы представители двух враждебных натур, не дополняющих, а истребляющих одна другую, до того расходитесь вы во всем — от мирозерцания и до отношения к самим себе и людям, от общих вопросов до малейших проявлений частной жизни».

Серно-Соловьевич выдвинул ряд тяжелых обвинений против Герцена. Он упрекал его в неверии в революцию, в преувеличении значения реформаторской деятельности правительства, в неуместности его многочисленных писем к Александру II, в отказе от своих прежних симпатий к польскому делу, в его несправедливом отзыве о Карказове и т. д.

Многое в обвинениях Серно-Соловьевича представлялось вполне правильным. Так, Герцен действительно до конца своей жизни не понял, что революция является единственным средством изменения существующего социально-политического строя в интересах трудящихся. «Мысль о перевороте без кровавых средств нам дорога», — писал он в статье «Порядок торжествует»¹¹⁵. Правильно было указание и на надежды Герцена подтолкнуть русское правительство на путь реформ. Правильно было и упоминание о недопустимости писем Герцена к царю, тех его «бесчисленных и слаща-

вых писем», которых, по выражению В. И. Ленина, «нельзя теперь читать без отвращения»¹¹⁶. А между тем, последнее из этих писем было написано Герценом еще в 1866 г., после покушения Каракозова. И в нем, как и в предыдущих письмах, Герцен приглашал царя одуматься и отказаться от реакционной политики. Еще в 1866 г. Герцен сохранял остатки надежды на добрую волю Александра II, объясняя его непоследовательность и реакционные меры тем, что он «кругом обманут» скружающими. «Трудно же, — признавался Герцен, — окончательно расстаться с мыслью, что вы вовлечены другими в тот исторический грех, в ту страшную неправду, которая совершается возле вас»¹¹⁷.

Серно-Соловьевич был прав, нападая на либеральные иллюзии Герцена и указывая на его колебания в сторону либерализма. Но он был неправ в том, что не хотел признать за Герценом ничего, кроме этих колебаний и иллюзий. Ненависть к Герцену не давала ему возможности понять, что, каковы бы ни были разногласия между Герценом и Чернышевским, они, однако, стояли по одну сторону баррикады, сражаясь против общего врага. Он называл Герцена «мертвым человеком» и утверждал, что «молодое поколение» давно опередило его «целой головой» в понимании вещей и событий и «отвернулось с отвращением» от него. «Я давно перестал, — писал Серно-Соловьевич, — если не совсем читать, то, по крайней мере, интересоваться вашим листком: избитые, давно знакомые звуки, риторические фразы и возгласы, старые вариации на старую тему, остроты, иногда довольно удачные, но большею частью пошлые, общие места о «Земле и Воле», — все это слишком приелось, наскучило и даже опротивело... Вы — поэт, художник, артист, рассказчик, романист, вы все, что хотите, только не политический деятель, и еще менее теоретик, основатель школы, учения... Вы захотели сделаться Чернышевским, и с этих-то пор и началось ваше падение».

Таким языком никто и никогда еще не разговаривал с Герценом. Страстность, с которой была написана брошюра Серно-Соловьевича, являлась ее слабым местом. Недовольствие не давало возможности автору брошюры за слабыми сторонами и недостатками Герцена разглядеть положительные стороны того дела, которому Герцен посвятил всю свою жизнь. Историческая роль Герцена осталась непонятой Серно-Соловьевичем.

Страстный тон его брошюры и то высокомерное презрение по отношению к Герцену, которым она была пропитана, вывели Герцена из себя. Своим недовольствием на автора брошюры он распространил на всю «молодую эмиграцию», на все молодое поколение революционеров. Тяжело читать в письмах Герцена к его друзьям его злобные выпады и грубые ругательства, которыми он начал осыпать молодых эмигрантов.

«Любезнейший Бакунин, Серно-Соловьевича посылаю, — писал Герцен 30 мая 1867 г. — Он наглый и сумасшедший, но страшно то, что большинство молодежи такое и что мы все помогли ему таким быть... Это — не нигилизм; нигилизм явление великое в русском развитии. Нет, тут всплыли на пустом месте халат, офицер, писец, поп и мелкий помещик в нигилистическом костюме. Это — мошенники, оправдавшие своим сукноссынизмом меры правительства, невежды, на которых Катковы, Погодины, Аксаковы etc. указывают пальцами. Это — люди, которые обратили на меня второе больше ненависти, чем на Скарятину, говоря просто, что они завидуют, что они хотели бы обречь и что они не могут переварить художественной стороны статей. Ты и Огарев, вы этих скорпионов откармливали млекою вашим... Им будущности нет, это — меньший венерический брат, который умрет и на его могиле встретится старший с еще более меньшим»¹¹⁸.

Если, посылая Бакунину это письмо, Герцен надеялся найти сочувствие с его стороны, то эта надежда оказалась ошибочной. Бакунин вполне справедливо указал Герцену на то, что он в своем недовольствии на Серно-Соловьевича выходит за пределы допустимого. «Признаюсь, — писал он, — твое письмо испугало меня, не за Серно-Соловьевича, а за тебя. В твоей злости против него слышится что-то старческое. Я готов верить, что Серно-Соловьевич написал против тебя скверную пасквиль и что твое недовольствие против него справедливо. Но ты ругаешь не одного его и даже не одного его женеvских однолетников эмигрантов... Нет, Герцен, каковы бы ни были недостатки настоящего молодого поколения, оно чрезмерно выше Катковых и Погодиных, твоих Аксаковых и Тургеневых, — так выше, что указывание на него пальцем всех этих блудных стариков служит ему в честь, а не в бесчестие, и ничто в мире, кроме самой, естественно и по необходимости, гнусной природы правительства не может оправдать гнусных мер наших правителей»¹¹⁹.

Упреки Герцена по адресу всей «молодой эмиграции» были тем более несправедливы, что полного одобрения с ее стороны брошюры Серно-Соловьевича не получила. Была среди эмиграции люди, вполне одобрявшие Серно-Соловьевича, как например, Эллидин, напечатавший его брошюру, но таких, повидному, было меньшинство. В одном из писем к Герцену Огарев сообщал, что М. С. Гулевич, узнав о предстоящем выходе брошюры Серно-Соловьевича, был «взволнован недовольствием» и что польский эмигрант Мерчинский высказывался против нее¹²⁰. Л. И. Меч-

ников также относился к ней отрицательно. Герцен писал Огареву: «Предложи-ка Мерчинскому протестовать и Мечникову... Я с своей стороны их молчание приму за согласие с Серно-Соловьевичем и разнакомлюсь... Быть с нами знакомым и пускать этого мошенника к себе в дом — двуличность»¹²¹. Н. А. Огаревой Герцен сообщал по поводу брошюры Серно-Соловьевича: «Все здешние [женевские эмигранты] кричат против нее (кроме Эллидина и Николадзе), и никто не осмеливается протестовать»¹²². Автор анонимной брошюры о Герцене, выпущенной по поводу его смерти в 1870 г. в Лейпциге, сообщает, что даже ближайшие друзья Серно-Соловьевича (очевидно, в первую очередь П. И. Якоби) не одобряли его брошюры «в форме»¹²³. Но Герцену этого было мало; ему хотелось, чтобы оскорбительная для него брошюра вызвала публичный протест, и, не встречая его, он перенесил свое негодование с автора брошюры на всю эмиграцию. Даже отношение Огарева к выступлению Серно-Соловьевича казалось Герцену обидным для него. «Он, как разбуженный лунатик, — жаловался Герцен Мальвде Мейзенбург на Огарева, — почти не замечает того, что происходит вокруг него... доброта его может вывести из себя»¹²⁴.

Герцен не скрывал своего озлобления против «молодой эмиграции», и это привело к тому, что он и Огарев оказались в полной изоляции; почти всякие сношения между ними и другими эмигрантами были прерваны. Насколько велика была их отчужденность от общеэмигрантской среды, можно судить по такому хотя и маловажному, но чрезвычайно характерному факту: сообщая Герцену о том, что на похоронах Касаткина он встретился с Эллидиным и Николадзе, Огарев добавлял как нечто заслуживающее быть особо отмеченным, что они подошли к нему и поздоровались. Примиренчески настроенный Огарев воспользовался этим, чтобы высказать взгляд на Эллидина и Николадзе. «Что за удивительные нелепцы, — писал он, — а взглядишь и увидишь, что право недурные люди, т. е. не злые, благонамеренные, добродушные»¹²⁵. Однако на Герцена сообщение Огарева не произвело желаемого Огаревым впечатления. «В благонамеренность Николадзе и его добродушие не верю; в том, что Эллидин нелеп, согласен»¹²⁶.

С течением времени острота первоначального впечатления, произведенного на Герцена выступлением Серно-Соловьевича, постепенно сглаживалась. То изолированное положение, в котором оказались он и Огарев, стало неприятно не только болезненно страдавшему от всего происшедшего Огареву, но и самому Герцену. Этим объясняются две попытки Герцена вновь завязать сношения с «молодой эмиграцией» и наладить в той или иной мере совместную работу с ее представителями. Об этих попытках нам до сих пор известно очень мало, но самый факт их стоит вне сомнения. Попытаемся сгруппировать те сведения, которыми мы располагаем, и мы увидим, насколько важны и показательны для настроений Герцена в последние годы его жизни были эти попытки. Но прежде необходимо напомнить некоторые события, происшедшие в то время в рядах «молодой эмиграции».

В сентябре 1867 г., как нам уже известно, приехал в Швейцарию М. А. Бакунин. Он поселился на берегу Женевского озера, в Веве, в доме, где жили русские эмигранты: Утин с женой, Жуковский с женою и О. С. Левашева. Вокруг Бакунина сгруппировался кружок, в который, помимо перечисленных лиц, вошли супруги Бартенева, Ант. Трусов, Жемаков, Шербаков и Эллидин. На деньги О. С. Левашевой был организован русский журнал «Народное Дело», первый номер которого вышел в сентябре 1868 г.

В наши задачи не входит изложение истории этого журнала, и мы можем ограничиться лишь указанием на то, что № 1 «Народного Дела», написанный почти целиком Бакуниным, вызвал резкие разногласия среди членов кружка, в результате которых Бакунин, а вслед за ним Жуковский и Эллидин, порвали с этим журналом. «Народное Дело» оказалось в руках Утина, который намеревался продолжать издание это. Однако трудность заключалась в том, что с уходом Эллидина журнал лишился типографии, в которой был отпечатан его первый номер. Благодаря энергии Ант. Трусова это затруднение удалось преодолеть. Группа «Народного Дела» организовала свою собственную типографию. Таким образом, в Швейцарии возникла еще одна русская типография.

Учитывая печальное положение, в котором в это время находилась типография Чернецкого, страдавшая от недостатка работы, Герцен, в середине мая 1869 г. вернувшийся из путешествия в Женеву, обратился к Утину письменно и через Шербакова, который в то время занимался преподаванием одной из дочерей Герцена, с предложением соединить типографию Чернецкого с типографией «Народного Дела». Если принять во внимание, что еще в феврале того же года Герцен в одном из писем к Огареву отзывался об Утине, как о «самом лицемерном из наших заклятых врагов»¹²⁷, то важное значение этого шага Герцена станет вполне ясным. Но этого мало: одновременно с этим Герцен направил в редакцию «Народного Дела» какую-то свою статью, которая, однако, осталась ненапечатанной, повидимому, вследствие того, что начатые Герценом переговоры, как сейчас увидим, успехом не увенчались¹²⁸.

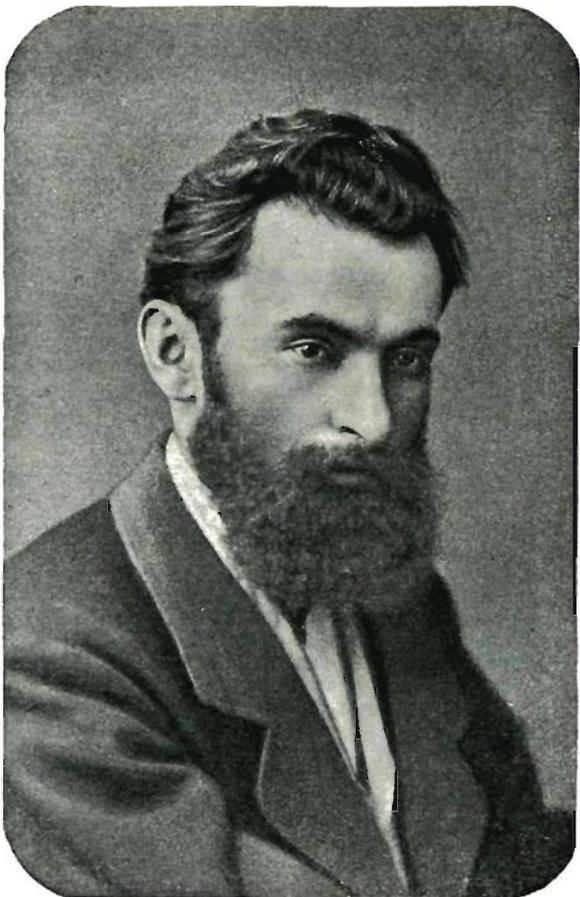
Обращаясь к Утину со своим предложением, Герцен добавлял, что за «Народным Делом» сохранялась бы «право печатать всякую брань против него», Гер-

цена. Отвечая на это, Утин в письме, формально адресованном Трусову, но рассчитанном на то, что Трусов ознакомит Герцена с содержанием этого письма, писал: «Это, конечно, шутка, и ты можешь уверить А. И. Герцена, что мы никогда никакой брани и без того не позволим себе против него; мы ценим его 17-летний труд, мы ценим ту выдержку, которой хватило у него и которой нехватает у других; мы можем идти теперь более резким путем, он сам сознает это, и он чрезвычайно честно и искренне уступает нам ведение пропаганды и высказывает сочувствие нашему делу, — такое отношение не многие умели сохранить к делу и обыкновенно старые деятели относились озлобленно и насмешливо к молодым; это озлобление мы встретили даже в Бакуине, несмотря на его *fausse bonhomie*, но мы не встретили такого озлобления в Герцене, и это обстоятельство должно еще укреплять наше решение относиться к нему с тем уважением, которое заслуживает 17-летний труд на пользу дела и свободы, хотя бы это дело, или вернее практический путь к совершению этого дела понимался им иначе чем нами, сообразно с ходом времени и обновлением поколений».

А вслед за этим Утин выдвигал вопрос, который постоянно служил одним из поводов для разногласий между Герценом и «молодой эмиграцией».

«При начале дела, — писал Утин, — требуются большие средства, и если б Герцен знал, что стоило устройство путей в Россию, которых до сих пор там тщетно добивались и которых мы, наконец, добились, если б он знал, что стоит завязывание связей на всех пунктах в России и поддержка многих поистине полезных людей, то он увидел бы как мы стеснены еще, несмотря на готовность отдать все свои средства, и как быстрее пошло бы дело на всех пунктах, если бы мы обладали теперь средствами большими, чем все наши».

Конечно, в этих словах Утина фантазия преобладала над действительностью. Никаких серьезных связей с Россией и русскими революционными кругами у редакции «Народного Дела» в это время еще не было. Но дело — не в этом, а в том, что Утин писал приведенные слова в подкрепление сказанного им пожелания об употреблении бахметевского фонда на поддержку «Народного Дела»¹²⁹.



Н. Я. НИКОЛАДЗЕ

Фотография

Музей Революции, Ленинград

Поскольку переговоры, завязанные Герценом, наткнулись на этот пункт, неудача их была предreshена. Герцен и на этот раз отказался от использования бахметевских денег, указав, что эти деньги были даны «на полное, безусловное распоряжение» его и Огарева и что он не считает себя обязанным давать кому бы то ни было отчет в них, кроме «давшему господину и своей совести»¹³⁰.

О другой примирительной попытке, сделанной Герценом, нам известно еще меньше, чем о первой. В. Ф. Лугинин рассказывал М. О. Гершензону о том, что «незадолго до смерти Герцен в Женеве при нем вел переговоры с Якоби, Жуковским и Серно-Соловьевичем о совместном возобновлении «Колокола»¹³¹. Как ни маловероятно на первый взгляд это сообщение, не верить ему у нас нет оснований. В. Ф. Лугинин был человеком с большим расположением относившимся к Герцену, и в его спорах с представителями «молодой эмиграции» поддерживавшим Герцена. Это одно говорит уже за достоверность его сообщения. Косвенным подтверждением справедливости этого сообщения могут служить следующие слова автора уже цитированной нами анонимной брошюры, посвященной памяти Герцена: «Отрадно заявить, что Герцен в последние дни еще сочувственно говорил об одном честном молодом деятеле, так рано умершем в Женеве, который в свое время высказал ему много горького из-за любви к правде»¹³². Несомненно, что автор брошюры имел при этом в виду А. А. Серно-Соловьевича, умершего в августе 1869 г.

Если принять во внимание, что В. Ф. Лугинин, возвратившийся в Россию в 1867 г., отправился вновь за границу в конце октября 1868 г., а в июле 1869 г. вернулся в Петербург, переговоры, свидетелем которых он был, можно отнести на лето — или, точнее, на июнь — 1869 г.¹³³.

Эти две примирительные попытки Герцена показывают, что под конец его жизни он понял, что в его столкновениях с «молодой эмиграцией» правда не всегда была на его стороне. В заключение нам остается рассказать об отношении Герцена и Огарева к нечаевской эпопее, омрачившей последние дни жизни Герцена.

V. ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ В НЕЧАЕВСКОЙ ЭПОПЕЕ

1868—1869 гг. были весьма тяжелыми для Огарева. Любимое дело его — издание «Колокола» — гибло на его глазах. Связи с Россией отсутствовали. Своего старого друга, Герцена, он почти не видел, так как тот большую часть времени проводил в разъездах по Западной Европе и в Женеве заглядывал лишь не надолго. Другие эмигранты держались в стороне от него. Они сходились, затевали общие предприятия, налаживали издание книг и журналов, вели ожесточенные политические споры и, убедившись в невозможности договориться, расходились друг с другом, как враги. Сведения обо всем этом доходили до Огарева урывками и с большим опозданием. Достаточно просмотреть его письма этих лет к Герцену, чтобы убедиться, как мало был осведомлен Огарев в делах женевской эмиграции.

При таких условиях он чувствовал себя покинутым всеми, никому не нужным стариком, которому люди следующего поколения отказывают в признании заслуг перед революцией. Но если «дети» не понимали и не хотели понять, как думал Огарев, своих «отцов», то, может быть, новое поколение, «взвук», пришедшие на смену «детей» окажутся более объективными и справедливыми и воздадут должное своим «дедам» по революции? Эту мысль неоднократно развивали как Огарев, так и Герцен.

«Базаровы пройдут... и даже очень скоро, — писал Герцен. — Это — слишком натянутый, школьный, взвинченный тип, чтоб ему долго удержаться... И я глубоко убежден, что мы с детьми Базарова встретимся симпатично, и они с нами — «без озлобленья и насмешки»¹³⁴.

Между тем, из России после долгого промежутка глубокой реакции стали доноситься слухи, свидетельствующие о начинающемся общественном пробуждении. В некоторых местах России происходили крестьянские волнения, сведения о которых проникали даже в легальную печать. Оппозиционная пресса («Отечественные Записки», «Неделя», «Дело») говорила более резким языком, нежели в предыдущие годы. В Петербурге с конца 1868 г. начались студенческие волнения, в марте следующего года принявшие весьма значительные размеры и сопровождавшиеся закрытием ряда высших учебных заведений и высылками из Петербурга десятков студентов. После долгого промежутка вновь появилась в России печатная прокламация; она излагала требования волнующегося студенчества. И Герцен, и Огарев с глубоким интересом следили за событиями, развертывающимися в России. «В Петербурге опять история со студентами, — писал Герцен 12 апреля 1869 г. сыну. — Медицинская академия закрыта; беспорядки были в университете, Технологическом институте и Земледельческой академии. Недурно»¹³⁵. «Заметь, — сообщал Огарев Герцену, слепо поверив в дошедшие до него преувеличенные слухи, — что в Архангельской губернии 600 000 (т. е. полгубернии) взбунтовалось с голода. Пришли солдаты и был карнаж... А это не одно место, а происходит повсюду»¹³⁶.

31 марта 1869 г. в жизни Огарева произошло событие, которому он придал большую важность. Вот что он сообщал на следующий день Герцену:

«Вчера пришло на твое имя письмо с просьбой напечатать послание к студентам от одного студента, только что удравшего из Петропавловской крепости. Послание, может, немножко экзальтировано, но не печатать нельзя; по моему глубокому убеждению оно, во всяком случае, поворачивает на воскресение заграничной прессы... В печать я отдал сегодня, а подробности лучше сообщу с Тхоржевским. Мне так что-то страшно». А через день он вновь писал Герцену: «А студенческое послание... очень юно, очень юно, тем не менее напоминает и свою молодость и подает надежду на новые силы»¹³⁷.

Почему же письмо, полученное Огаревым (автором его был С. Г. Нечаев), произвело на него такое сильное впечатление, что он воспылал надеждами на возрождение заграничной революционной прессы? Зная Нечаева, мы можем, без раска впасть в ошибку, предположить, что уже в этом письме он, как это делал впоследствии, выдавал себя не просто за студента, пострадавшего в связи со студенческими волнениями, а за представителя могущественного и таинственного революционного комитета, якобы существующего в Петербурге и руководящего всем студенческим движением. Это давало Огареву основание предполагать, что в лице Нечаева он приобретает связь с самым центром революционного движения в России. Подкупало его и то обстоятельство, что чудесно якобы спасшийся из Петропавловской крепости студент обратился за содействием не к Бакунину, не к «молодой эмиграции», а к Герцену. Очевидно, думал Огарев, «внуки» лучше поняли и справедливее оценили «отцов», нежели «дети».

В начале апреля явился в Женеву и сам Нечаев. Огарев познакомил его с Бакуниным. «Не думаю, чтоб было что очень широкоразвитое, но развита энергия и много узнается и увидится нового», — такими словами Огарев выразил свое впечатление от встречи с Нечаевым и от его рассказов о русских делах. Во всяком случае, разговоры с Нечаевым укрепили в Огареве те мысли, которые уже ранее зародились у него. «Из слов приезжего, — писал он Герцену, — из теперешнего преследования студентов, закрытия Медико-хирургической академии, преследования «Недели»¹³⁸ и пр. очевидно, что заграничная печать скоро понадобится»¹³⁹.

Несомненно, под впечатлением разговоров с Нечаевым у Огарева зародилось намерение отозваться от лица старого поколения эмигрантов на студенческое движение, и он написал прокламацию, озаглавив ее «От стариков молодым друзьям»¹⁴⁰. По мысли Огарева эта прокламация должна была выйти за подписями Герцена, его и Бакунина. Но здесь ждало его первое разочарование. Герцен жестоко раскритиковал его прокламацию и посоветовал пустить ее без подписи¹⁴¹. Подчиняясь этому указанию, Огарев должен был снять и заголовок прокламации, неуместный при ее анонимном характере¹⁴².

Огорченный всем этим, Огарев не хотел, однако, отказаться от своего намерения и начал писать вторую прокламацию по поводу студенческих волнений. На этот раз прокламация была им названа «Наша повесть»¹⁴³. «Умоляю тебя, — писал Огарев Герцену 28 апреля 1869 г., — прислать согласие на подпись, ибо иначе, по моему мнению, это будет просто позор, ибо вместо вызова значит обессилить юношество... Если мы не поднимем словом дух юношества — это будет просто подло. Неужели же ты и тут не дашь подписи»¹⁴⁴. «Огарев все шалит, — писал Герцен сыну по получении этого письма Огарева. — Закусил удила да и только — шумит, бранится, еще написал манифест. Что с ним это? Ведает бог, да Бакунин»¹⁴⁵. Однако, хотя Герцену и вторая прокламация Огарева не нравилась, он, не желая окончательно огорчать своего друга, скрепя сердце, дал согласие подписать ее¹⁴⁶.

Издание этих прокламаций Огарев находил недостаточным. Подстрекаемый Нечаевым и Бакуниным, он считал необходимым организовать целую агитационную кампанию и, пользуясь связями с Россией, которые имелись у Нечаева, наладить широкое распространение жевевских прокламаций по России. Но для этого нужны были большие деньги, а деньги находились у Герцена. Огарев считал, что теперь, более чем когда-либо, надлежит пустить в ход бахметевский фонд. Поэтому он с нетерпением ожидал приезда Герцена в Женеву. Он сознавал, что в исходе переговоров о фонде многое зависит от впечатления, вынесенного Герценом от Нечаева при личной встрече с ним. В то же время, он не мог не понимать, что у Нечаева мало шансов привлечь к себе симпатии Герцена и завоевать его доверие. Поэтому он хотел заранее подготовить Герцена к встрече с Нечаевым. «Мой мужичок, — писал он Герцену, — тебе с первого взгляда, пожалуй, не понравится; мы с ним и сблизимся только весьма постепенно; манеры у него уже совсем мужицкие. Но ведь выносим же мы бурмистров Плат[она] Богд[ановича] [Огарева-отца], Ив[ана] Ал[ександровича] [Яковлева, отца Герцена], Ал[ексея] Ал[ексеевича] [Тучкова] — почему же не вынести мужика-юношу, который, вероятно, не уцелеет. А останавливать его я без сомнения не стану»¹⁴⁷. Вряд ли такая своеобразная аргументация могла показаться убедительной Герцену, который с полным основанием мог ответить, что ни ему, ни Огареву никогда и в голову не приходило заниматься революционными конспирациями с бурмистрами своих отцов. Скорее наоборот, приведенные строки Огарева могли заставить Герцена особо насторожиться по отношению к Нечаеву. Надо сказать, что к тому же и прокламация Нечаева к студентам

не произвела на Герцена благоприятного впечатления. «Прокламация к студенчеству не того, просто шлехтердырато» [т. е. плохо], — писал он¹⁴⁸.

Герцен приехал в Женеву 10 мая, и тут начались переговоры между ним, Огаревым, Нечаевым и Бакуниним о бахметевском фонде. Как и предчувствовал Огарев, Нечаев Герцену не понравился. «Редко кто-нибудь был так антипатичен Герцену, — пишет Н. А. Огарева-Тучкова, — как Нечаев. Александр Иванович находил, что во взгляде последнего есть что-то суровое и дикое»¹⁴⁹.

При этом надо добавить, что Герцен не мог не знать того, что было известно всей женевской эмиграции, а именно, что бывший в то время в Женеве М. Ф. Негрескул (зять П. Л. Лаврова), человек, тесно связанный с петербургскими революционными кругами, категорически утверждал, что Нечаев лжет, выдавая себя за представителя тайного общества, существующего в России. Негрескул, не стесняясь, заявлял всем эмигрантам, что Нечаев — шарлатан, что он арестован никогда не был и потому бежать из Петропавловской крепости не мог, что Нечаева надлежит опасаться и ни одному слову его верить нельзя¹⁵⁰. Огарев и Бакунин не поверили разоблачениям Негрескула: первый — потому, что боялся расстаться с иллюзиями, которыми тешил себя, второй — из-за желания использовать Нечаева в личных политических целях как представителя основанного Бакуниным Альянса в России. На Герцена же Негрескул произвел впечатление «человека верного»¹⁵¹, со словами которого нельзя не считаться.

На предложение использовать бахметевский фонд в целях агитации Герцен ответил отказом. Он опасался, что эти деньги послужат в руках Бакунина и Нечаева к бесполезной для дела гибели многих людей в России. Тогда Огарев заявил: «Но ведь деньги даны под нашу общую расписку, Александр, а я признаю полезным их употребление, как говорят Бакунин и Нечаев»¹⁵². В конце концов Герцену пришлось пойти на компромисс. Он решил предоставить Огареву распорядиться по его усмотрению половиною бахметевского фонда¹⁵³.

Таким образом, задуманная Огаревым, Нечаевым и Бакуниним агитационная кампания получила материальную базу. В наши задачи не входит рассказывать подробно о том, как протекала эта кампания. Нам достаточно отметить лишь те моменты ее, которые непосредственно связаны с Огаревым и Герценом.

Прежде всего необходимо констатировать, что участие Огарева в этой кампании было гораздо большим, чем предполагали до сих пор исследователи, касавшиеся этого вопроса. В 1869 г. кроме двух указанных выше прокламаций Огарева были выпущены его брошюра «В память людям 14 декабря 1825», с призывом к русскому войску принять участие в восстании, и листок со стихотворением Огарева «Студент», которое, как известно, по предложению Бакунина, было посвящено Нечаеву, хотя по содержанию своему не имело ничего общего с ним. С большой долей вероятности Огареву же можно приписать еще две прокламации, вышедшие в том же году: «Гой, ребята, люди русские», и «Что ж братцы!»¹⁵⁴.

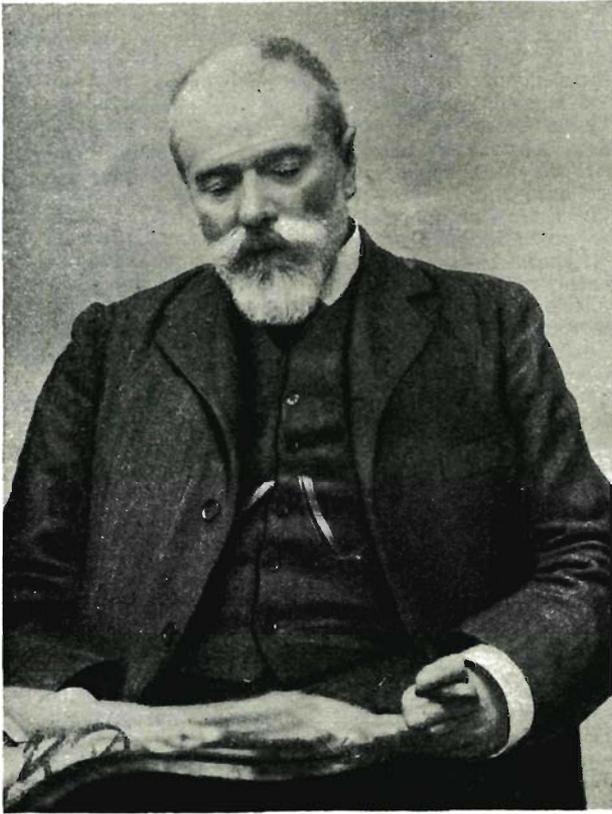
Не столько эти произведения Огарева, сколько пресловутый «катехизис» Бакунина, листок «Народная Расправа», призывавший к кровавой революции в целях истребления всяких признаков «государственности», и другие прокламации Бакунина вызвали резкий протест со стороны некоторой части женевской эмиграции, а именно: Утина и его группы. В № 7—10 «Народного Дела» (ноябрь 1869 г.) был помещен весьма резкий «запрос» Герцену, Огареву и Бакунину по поводу их причастности к агитационной кампании Нечаева. Отзываясь о названных прокламациях, как о «тупоумных листках», заключающих в себе «непристойную игру с великим, святым делом революции» и способных вызвать «отвращение» во всяком «трезвом и серьезном человеке», авторы запроса писали:

«Дикое невежество рядом с нахальным хвастовством; самовосхваление небывалыми фантастическими подвигами — рядом с завистливым ляганьем во все прошлое погибших борцов; нерасчетливые или слишком рассчитанные провокации — рядом с кровавыми посулами и инквизиционными угрозами, и не только отъявленным врагам свободы, но решительно всем и каждому, кто посмеет не поверить этим доблестным рыцарям в их уверениях, что они берутся сломать все существующее всеразрушающим кровопролитием, ядом, ножом, петлею, огнем и т. д. и т. д. и кто не пойдет по их приглашению в разбойничий мир, обитающий в лесах, городах, деревнях, бесчисленных острогах империи — в этот единственный, нераздельный, крепко связанный мир, в котором «одном только существует издавна настоящая революционная конституция»... — бред беззубого старчества с бормотаньем доморощенных Митрофанов, — вот что мы встречаем в этих листках, очевидно принадлежащих одному и тому же коллективному перу». В заключение авторы запроса спрашивали, солидарны ли старые эмигранты с названными листками, и предлагали им страницы «Народного Дела» для ответа на этот запрос.

Конечно, никто из старых эмигрантов этим предложением не воспользовался. «Прочел я глупый «Запрос» в «Народном Деле», — писал Герцен Огареву. — Тебе и Бакунину будет больно, что мое имя замешано в деле, против которого я протестовал всеми силами. Оно было нелепо»¹⁵⁵. Действительно, Герцен имел право считать себя непричастным к нечаевской агитационной кампании, против которой он

не раз протестовал, остроумно называя бакунинско-нечаевские прокламации «печатными затрещинами»¹⁵⁶.

Агитационная кампания 1869 г., а также поездка Нечаева в Россию, предпринятая в августе 1869 г., в целях организации тайного общества «Народная Расправа», исчерпали поступившую в распоряжение Огарева часть бахметевского фонда. На продолжение агитации необходимо было изыскать новые средства. Но ставить этот вопрос перед Герценом Огарев не решался. Он выжидал возвращения Нечаева. О том, что делал Нечаев в России, Огарев осведомлен не был. Поэтому в нем вызвали большую тревогу начавшие доходить за границу в конце 1869 г. слухи о многочисленных арестах, производимых в Петербурге и в Москве. Уделел ли Нечаев, и удастся ли ему спастись — эти вопросы волновали и Огарева и Бакунина, также утратившего связь с Нечаевым. Но вот, наконец, в первых числах января от



Е. В. де-РОБЕРТИ

Фотография

Литературный музей, Москва

Нечаева пришло письмо, а вслед за ним и он сам явился в Женеву. При известии об этом Бакунин «так прыгнул от радости, что чуть было не разбил потолка старую головою»¹⁵⁷. Несомненно, что и Огарев, искренне любивший Нечаева, был рад не меньше.

Еще в письме, предшествовавшем появлению Нечаева в Женеве, Нечаев сообщил Огареву о своем желании видиться с Герценом. Огарев поспешил уведомить об этом своего друга, жившего в то время в Париже. Герцену было не трудно догадаться, зачем он понадобился Нечаеву, и он ответил Огареву: «Я буду очень рад, если Бой [Нечаев] выздоровеет [избежит ареста], но видеться мне с ним не нужно»¹⁵⁸.

Как ни категоричен был этот отказ Герцена от свиданья с Нечаевым, он, несомненно, не остановил бы последнего. Посещение Нечаевым Герцена не состоялось лишь вследствие смерти Герцена.

После смерти Герцена бахметевский фонд поступил в распоряжение его детей, которым, в сущности, было нечего делать с этими деньгами, так как революционной деятельностью они не занимались и заниматься не предполагали. Бакунин,

вслед за Нечаевым, настаивал, чтобы Огарев требовал от детей Герцена выдачи денег. «Это не только твое право, но и твой священный долг и перед этим долгом падают все деликатности отношений. В этом деле ты должен выказать римскую строгость»¹⁵⁹. Как известно, наследники Герцена согласились передать остаток бахметевского фонда Огареву. Таким образом, продолжение агитационной кампании было обеспечено.

В 1870 г. Нечаев и компания издали ряд прокламаций, адресованных различным слоям русского общества, тем слоям, которые, по мнению авторов этих прокламаций, должны находиться в оппозиции существующему в России политическому порядку. Здесь были воззвания, обращенные к дворянству, купечеству, к «сельскому духовенству», мещанству, студенчеству, к украинцам («Лист до громади») и к женщинам. Прокламации эти носили мистификаторский характер. Прокламация к дворянству, адресованная к фрондирующим из-за отмены крепостного права крепостникам, имела подпись: «Потомки Рюрика и Партия Российского независимого дворянства». Прокламация к купцам вышла за подписью «Конторы Компании вольных русских купцов», а к мещанам — «Думы всех вольных мещан». Прокламация к духовенству была подписана «Истинными пастырями». Все эти прокламации были построены на возбуждении классовых и групповых интересов тех, к кому они были обращены¹⁶⁰. Помимо этого, на деньги, полученные от наследников Герцена, было решено возобновить издание «Колокола», но об этом нам придется говорить ниже.

Кто был автором этих прокламаций, установить невозможно. Лишь две из них были подписаны авторами: одна — Нечаевым (к студентам), другая — Огаревым («Будущность», посвященная памяти Герцена и по содержанию своему стоящая особняком от других прокламаций 1870 г.). Однако несомненно, что участие Огарева не ограничивалось составлением одной прокламации. Можно утверждать, что самый план одновременного обращения к различным классам и группам русского общества принадлежал именно ему. Дело в том, что такое круговое обращение с рядом прокламаций не было новостью. Оно лишь воспроизводило то, что Огарев пытался сделать еще в 1861—1862 гг., когда им был написан и издан ряд воззваний: «Что нужно народу», «Что надо делать войску», «Что нужно помещикам», «Что надо делать духовенству». — Таким образом, агитационная кампания 1870 г. в расширенном виде воспроизводила попытку, предпринятую Огаревым непосредственно вслед за отменой крепостного права. Нечаев (и Бакунин) только привнес в этот старый план Огарева свойственные ему элементы лжи, мистификации и неприкрытого упора на шкурные интересы тех групп населения, которые были затронуты агитацией. В этом отношении Огарев, лишившийся в лице Герцена благоразумного советчика, оказался всецело в руках Нечаева и того фантастического русского революционного комитета, именем которого, для придания себе большего авторитета, постоянно прикрывался Нечаев.

Помимо издания прокламаций, Нечаев и Огарев, как сказано выше, наладили выход возобновленного «Колокола». Всего ими было выпущено шесть номеров: первый из них с датой «2 апреля», а последний — «9 мая 1870 г.». Возобновленный «Колокол» имел подзаголовки: «Орган русского освобождения, основанный А. И. Герценом (Искандером)» и «Под редакцией агентов русского дела»¹⁶¹. В начале первого номера было напечатано следующее письмо Огарева:

«Новой редакции «Колокола».

Передаю вам новое издание «Колокола» с глубоким убеждением, что вы его примете с полной преданностью делу Русской Свободы.

Вы не измените знамени, поставленному Герценом, при котором каждый свободомыслящий человек мог заявлять свое мнение и направление, разумеется, без всякого ущерба для главной цели — освобождения России.

В этом мы никогда не можем разойтись, и я до конца моей жизни остаюсь вашим преданным сотрудником».

Помимо этого письма в редакцию, Огарев поместил в возобновленном «Колоколе» ряд статей: «Памяти Герцена» в № 3, «Проект усиления губернаторской власти в России» в № 5, «Сплотитесь дружно!» в № 6. Все эти статьи шли под его фамилией. Было ли им напечатано еще что-нибудь без подписи, неизвестно. Несомненно, однако, что роль Огарева не ограничивалась простым сотрудничеством. Он принимал участие и в редактировании «Колокола». Документальное подтверждение этого мы находим в донесениях III Отделению его агента Романа, проживавшего в то время в Швейцарии под фамилией гр. Поточкого и сумевшего втереться в доверие к Огареву. 8 апреля Роман доносил, что Огарев пригласил его сотрудничать в «Колоколе» и «просил написать что-либо о состоянии армии». В другом донесении Роман приводил письмо, полученное им от Огарева. «Разумеется, — писал последний, — присылайте статьи поскорее, только адресуйте не мне, а в редакцию»¹⁶². Из этого ясно, что Огарев играл в «Колоколе» большую роль, нежели простого сотрудника.

Участвовал в «Колоколе» и Бакунин. Он напечатал там статью о панславизме (во втором прибавлении к «Колоколу», выходящем на французском языке) и письмо в редакцию (в № 2). Живший в то время в Локarno и бывавший в Женеве

лишь наездами, Бакунин не мог принимать постоянного участия в «Колоколе». К тому же, как мы увидим, он был недоволен направлением этого журнала.

Кроме того, по свидетельству Эллидина, в «Колоколе» участвовали, незадолго до того эмигрировавший из России, В. А. Зайцев и Н. И. Жуковский¹⁶³. Первому из них принадлежит статья «Современное положение русской прессы» (в № 5 и 6), а второму можно приписать подписанную буквой «Ж» статью «Бела от царских ласк, или тирольские шляпы» (в № 6). Другие сотрудники «Колокола» до сих пор не выяснены.

Характерно, что К. Маркс, первоначально предполагавший, что руководящую роль в «Колоколе» играет Бакунин, ознакомившись лучше с направлением этого издания, пришел к иному заключению. «При более внимательном знакомстве оказалось, что редактором является Огарев»¹⁶⁴. Мы уже знаем, что на этот раз Маркс не ошибся. Однако Огарев как редактор был связан необходимостью подчиняться указаниям Нечаева и фиктивного комитета, представлявшего «Русское Дело», в существование которого Огарев слепо верил. Это верховное руководство Нечаева не могло, конечно, не отразиться на характере возрожденного «Колокола» и на его общем направлении.

Программа «Колокола» во многом представляется загадочной, — особенно если ее сравнивать с программными заявлениями указанных выше прокламаций и брошюр, изданных Нечаевым в компании с Огаревым и Бакуниным.

В статье «К русской публике», помещенной в № 1 «Колокола», редакция заявляла, что ее журнал стремится стать органом «всех честных людей, желающих искренно преобразования и освобождения России, всех кто недоволен настоящим порядком и ходом вещей». Все эти люди должны сплотиться для преследования одной задачи — для борьбы против самодержавия. «Теперь для всех людей честной и доброй воли в России предстоит только одно важное дело: изменение существующего порядка». Эта мысль проводится на протяжении всех номеров «Колокола». «Силы должны быть сконцентрированы и направлены на одну точку. Эта точка — империя», — читаем мы в передовой статье № 2. В сплочении всех «честных» людей редакция видит средство избежать народной революции, грозящей России. «Никогда еще государство не находилось в такой опасности, как теперь», — пишет редакция в передовой статье № 1... — Нам всем грозит страшная катастрофа снизу. Все чувствуют быстрое приближение этой неминуемой катастрофы... Все с ужасом предвещают беду, а между тем, никто не делает ничего для того, чтобы спасти себя и Россию от стихийного переворота, от ужасов революции, тем более кровавой и беспощадной, что, по утверждению многих, время парламентаризма прошло, что конституционная монархия отжила или отживает свое время даже на Западе и что представительная система, вообще, должна будет скоро уступить место прямому управлению народа». Однако редакция уверена, что для России еще не наступило время ставить этот вопрос «так глубоко». С ее точки зрения для России представляет важность и интерес совсем другой вопрос: может или не может самодержавие превратиться в конституционную монархию путем мирных, легальных реформ (передовая № 4).

Выдвигая такую скромную и умеренную программу, редакция «Колокола» открыто заявляла: «Особенный радикализм принципов, о котором так хлопочут люди, занимающиеся одними теориями, кажется нам теперь несвоевременной роскошью. Золотые сны и заоблачные мечтания о медовых реках и кисельных берегах не пойдут на ум людям, задавленным императорской лапой. Для всякого серьезного русского в настоящее время первое дело — освобождение от императорского абсолютизма, так или иначе. Дело это так важно и обще, и так насущно необходимо, что положительно исключаются всякие другие вопросы... Вот почему должны мы теперь считать все теоретические разглагольствования о принципах, мало того бесполезными, но и положительно вредными, действующими растлевающим образом на среду лучших русских людей (примечание редакции к письму «одного из корреспондентов старого «Колокола» в № 3). Провозглашая примат практики над теорией, редакция пренебрежительно отзывается о том замечательном умственном движении, которое происходило в России в 60-х годах. «Чего, — пишет она в № 1, — не переболтали мы в течение четырнадцати лет нынешнего царствования? Каких не развили теорий и в науке, и в политике, и в государственной экономике, и в социализме — а сделали что?»

В заключение характеристики направления «Колокола» 1870 г. отметим, что в передовой статье № 4 мы находим яркий панегирик братьям Милютинным. Н. А. Милютин изображается здесь как истый демократ, исполненный самыми благими намерениями, допустивший в своей деятельности лишь одну ошибку: «он хотел освободить путем императорской власти». Столь же искренним демократом представляется редакция и его брат, военный министр Д. А. Милютин. «Можно сказать, — пишет редакция, — что со времен Петра и Екатерины никто не сделал так много для войска, как Дм. Милютин. Он улучшил положение солдат, освободил их, хоть отчасти, от начальственного воровства и от варварских наказаний; уменьшил расход, увеличил силу армии, дал ей новую, более разумную организацию, вооружил ее

новым оружием и пекся серьезно об образовании способных и дельных офицеров. Одним словом, он поставил на ноги русскую военную силу, оказавшуюся столько ничтожной в Крымской кампании, равно как и польском восстании, но сделавшуюся потом сиюю действительною благодаря только его усилиям.

Нечаев и Огарев, восхваляющие Д. Милотина, укрепление мощи царской армии, этого оплота деспотизма! Что это могло обозначать? И как, вообще, согласовать программные установки «Колокола» с содержанием прокламаций, перечисленных нами?

Тут — ограничение самодержавной власти царя, как венец всех стремлений и желаний. Там — полное разрушение всякой государственности и создание на ее развалинах вольных общин. Здесь — стремление сплотить все оппозиционные элементы населения России. Там — объявление врагами всех, кто не разделяет полностью нечаевско-бакунинских планов и фантазий. Здесь — насмешливое и пренебрежительное отношение к «радикализму принципов» и к «заоблачным мечтаниям». Там — безудержная революционная фраза и нарочитая рисовка «левизной» своих воззрений. Здесь — стремление предотвратить «ужасы» народной революции. Там — призывы к восстанию и террору. Здесь — гимны в честь либеральных бюрократов типа братьев Милютиных. Там — угроза кровавой расправой всем прислужникам царизма. — Что же означают эти странные противоречия, ставящие в тупик исследователей, которым приходится касаться вопроса о нечаевском «Колоколе»? Нельзя сказать, чтобы те объяснения, которые до сих пор давались этим противоречиям, были бы убедительны.

Ссылались на желание редакции возрожденного «Колокола» поддерживать герценовские традиции и вести журнал в том же направлении, в котором он велся при Герцене. Говорили о влиянии дочери Герцена Натальи Александровны, которую Огареву и Нечаеву удалось отчасти завлечь в свои конспирации. Однако и то и другое объяснение не выдерживают критики. Первое — потому, что направление «Колокола» 1870 г., как мы уже убедились, далеко не было тем, каким было направление герценовского «Колокола». Герцен перевернулся бы в гробу, если бы мог узнать о том, что пишется в возрожденном «Колоколе».

Второе — потому, что Н. А. Герцен отнюдь не была в глазах Огарева и особенно Нечаева таким ценным сотрудником, чтобы ради нее они стали бы вести журнал в направлении, не соответствующем их собственным видам.

Для того чтобы разгадать загадку «Колокола» и уяснить смысл его направления, по нашему мнению, надо рассматривать его не изолированно, а в связи со всей нечаевской агитационной кампанией, частью которой являлся этот журнал. Говоря о прокламациях 1870 г., мы указывали, что они были адресованы к различным классам и группам русского общества. Пересматривая эти прокламации, мы видим, что авторы их, не позабыв о дворянах-крепостниках, купцах и сельских попах, почему-то совершенно игнорировали либеральную часть русского общества, со стороны которой они имели, во всяком случае, большие основания ожидать оппозиции правительству, нежели, например, со стороны купечества. Под либеральной частью русского общества мы подразумеваем и либерально настроенные слои дворянства, мечтавшие об «увенчании здания» правительственных реформ, то-есть о конституции, и буржуазную интеллигенцию, ставившуюся в то время заметной по своему значению общественной силой, и, наконец, передовые слои купечества, умственный горизонт которых не ограничивался интересами кармана и которые понимали необходимость европеизирования русских политических порядков. Взывать к оппозиции этих слоев русского общества, во всяком случае, было больше оснований, чем обращаться к замоскворецким Тит Титычам и сельским попам.

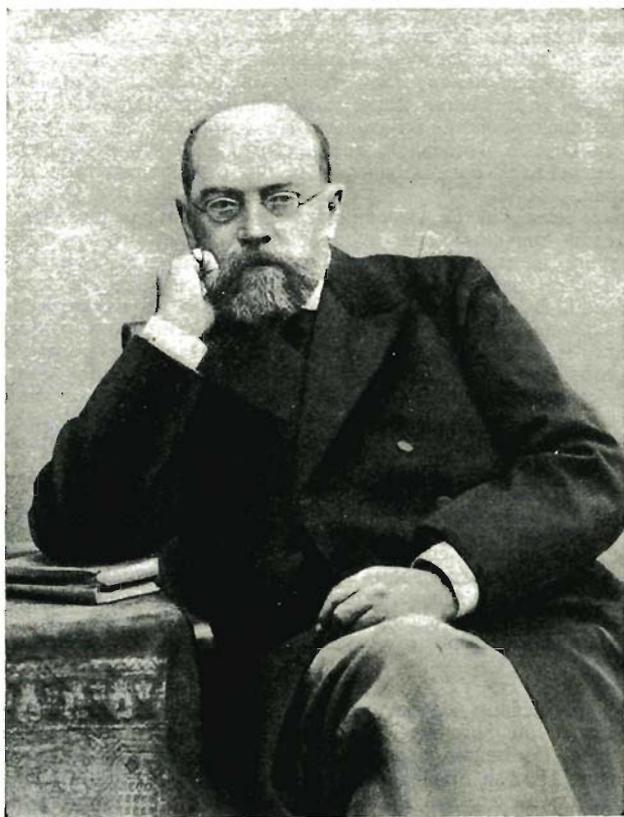
Вот это-то недостающее звено в агитационной кампании 1870 г. и было восполнено «Колоколом». И так как содействие либеральной части общества или, по крайней мере, переход ее от скрытой оппозиции к открытой и действительной представлялся весьма существенным фактором в той «смуте», которую должна была, по мысли ее организаторов, вызвать в России их агитация, то естественно, что они уделили этой части русского общества большее внимание, чем другим, и не ограничились по отношению к ней одной прокламацией, а наладили издание специального журнала. Относительно революционно-настроенных слоев русского общества Нечаев и Огарев заботились менее: эти слои и так находились в оппозиции и потому в агитационном воздействии на них нуждались менее других; к тому же и они не были оставлены без внимания, — для них предназначались два номера «Народной Расправы».

Если статья относительно «Колокола» на такую точку зрения, то становятся вполне понятными все особенности этого журнала, вплоть до восхвалений братьев Милютиных. Программа «Колокола» не была программой Огарева и Нечаева; это была программа, приоровленная ко взглядам и вкусам русских либералов. Редакторы «Колокола», несомненно, были уверены, что их журнал произведет надлежащее впечатление на тот круг читателей, для которого он предназначался.

Когда прокламация, адресованная к дворянству, призвала дворян бороться за установление дворянского олигархизма в России, ее автор (или авторы) излагал не свои стремления, а стремления, которые, по его мнению, свойственны адресатам этой прокламации. Когда в другой прокламации мы находим жалобы на недостаточное ограждение интересов купечества существующим таможенным тарифом, то ясно, что этот

прием был специально предназначен для более эффективного воздействия на купечество. При таких условиях и в «Колоколе» надо было говорить о предметах, могущих заинтересовать читателей, а вовсе не о тех, которые интересовали самих Огарева и Нечаева. С каждой группой русского общества нужно было вести разговор о вопросах, ей близких, и языком, для нее понятным. Организаторы агитационной кампании и старались достичь этого. Правда, это им плохо удавалось (надо было обладать большой наивностью, чтобы верить в возможность достижения эффекта при помощи изданных ими прокламаций), но они делали все, что могли, в меру своего понимания.

Как мы уже указывали, № 6 «Колокола» вышел 9 мая, после чего издание «Колокола» приостановилось. Причины этого до сих пор не вполне выяснены. Возможно, что в этом деле известную роль сыграло вмешательство Бакунина.



К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

Фотография

Литературный музей, Москва

Еще в № 2 «Колокола» было напечатано его письмо в редакцию, в котором Бакунин, живший в то время в Локарно и потому лишенный возможности принимать непосредственное участие в делах «Колокола», писал: «Прочитав со вниманием первый номер возобновляемого вами «Колокола», я остался в недоумении. Чего вы хотите? Ваше знамя какое? Ваши теоретические начала какие, и в чем именно состоит ваша последняя цель? Одним словом, какой организации желаете вы в будущем для России? Сколько я ни старался найти ответ на этот вопрос в строках и между строками вашего журнала, признаюсь и скорблю, что я ничего не нашел. Что вы такое? Социалисты или поборники эксплуатации народного труда? Друзья или враги государства? Федералисты или централизаторы?»

От этих сомнений Бакунина редакция «Колокола» отмахнулась мало вразумительной фразой: «Редакция позволяет себе думать, что при единодушном ведении борьбы с существующим порядком важность самого дела складит и примирит все противоречия между серьезными людьми разных партий». Конечно, эти слова не были достаточным ответом на прямо поставленный Бакуниным вопрос. Однако из самого содержания последующих номеров «Колокола» Бакунин мог точно выяснить

себе программу этого журнала и убедиться, что она не имеет ничего общего с программой самого Бакунина. Это не могло не вызвать горячих протестов со стороны последнего. Он, повидимому, писал по этому поводу Огареву и заставил его серьезно задуматься, правильно ли и целесообразно ли ведется «Колокол». В ответ на его сомнения Нечаев ограничился руганью по адресу Бакунина и насмешками над ним¹⁶⁵. Однако на Огарева это не подействовало. Он слишком давно и хорошо знал Бакунина, чтобы разорвать свою дружбу с ним, и потому он стал настаивать на необходимости изменить программу «Колокола». Эмигрант С. Серебренников в своей записке о Нечаеве сообщает, что по требованию Бакунина «Колокол» должен был сделаться «открытым и чистосердечным» органом «социализма»¹⁶⁶. Этим и объясняется приостановление «Колокола». Однако наладить вновь издание этого журнала с измененной программой не удалось.

Попытки Нечаева дискредитировать Бакунина, надо думать, произвели на Огарева тяжелое впечатление. К этому присоединились и другие факты, понизившие авторитет Нечаева в глазах Огарева. Во-первых, не довольствуясь получением бахметевского фонда, Нечаев намеревался требовать от наследников Герцена проценты на него за все время нахождения денег в распоряжении Герцена, обвиняя последнего в «скрывать» этих процентов¹⁶⁷. Во-вторых, Нечаев стал подговаривать Генри Стерленда, к которому Огарев относился, как к сыну, вступить в бандитскую шайку, которую Нечаев намеревался организовать в целях ограбления туристов, путешествующих по Швейцарии.

Под влиянием этих фактов Огарев присоединился к требованию Бакунина (у которого были и свои причины быть недовольным Нечаевым), чтобы Нечаев покинул пределы Швейцарии. Нечаев согласился, но перед отъездом украл у Огарева, Бакунина и Н. А. Герцен ряд документов, которые, по мнению Нечаева, могли компрометировать этих лиц. В сентябре 1870 г. Огарев узнал об издании Нечаевым в Лондоне № 1 журнальчика «Община», в котором было помещено открытое письмо Нечаева к Бакунину и Огареву с требованием передачи ему оставшейся у Огарева части бахметевского фонда. В этом письме Нечаев отказывался «от всякой политической солидарности» со своими бывшими сотоварищами по агитационной работе и выражал надежду, что они никогда более не выступят «как практические деятели русской революции». В передовой же статье «Общины» Огарев прочитал следующие строки:

«Поколение, к которому принадлежал Герцен, было последним, заключительным явлением либеральничавшего барства. Его теоретический радикализм был тепличным цветком, пышно распустившимся в тепличной температуре обеспеченной жизни и быстро увядшим при первом соприкосновении с обыкновенным реальным воздухом практического дела. Они критиковали, осмеивали существующий порядок с язвительной салонной ловкостью, утонченным политическим языком. Их занимал самый процесс этой критики. Они были довольны своими ролями».

Вот как любимый Огаревым «внучек» понял и оценил своего «деда» по революции.

В одном из писем к Т. Куно Энгельс писал «Нечаев... либо русский агент-провокатор, либо, во всяком случае, действовал как таковой»¹⁶⁸. Мы знаем теперь, что агентом-провокатором Нечаев не был, но что он «действовал как таковой», это несомненно. Человек, бесспорно преданный делу революции и отдавший на служение ей всю свою жизнь, Нечаев принес революционному делу больше вреда, чем пользы. Широко практикуемые им ложь и мистификация, его стремление подчинить всех своей воле, его нетоварищеское отношение к тем, с кем ему приходилось работать, внесли дезорганизацию в немногочисленную в его время среду революционных деятелей. Эти черты Нечаева ярко проявились в его взаимоотношениях с Огаревым. В одном из писем к Огареву Бакунин писал о своем и его участии в нечаевской эпопее: «Нечего сказать, были мы дураками, и как бы Герцен над нами смеялся, если бы был жив, и как бы он был прав ругаясь над нами»¹⁶⁹.

К сожалению, Бакунин и Огарев поняли это слишком поздно.

Что же касается Огарева, то на него нечаевская история произвела столь сильное впечатление, что он навсегда отказался от всякого участия в революционной работе, хотя и не перестал живейшим образом интересоваться судьбами революционного движения в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В пятидесятых и в начале шестидесятых годов Герцен и Огарев в своей политической деятельности не свободны были от ряда иллюзий. Считая дворянство наиболее развитым, сознательным и просвещенным классом в России, они полагали, что в силу этого именно ему суждено играть руководящую роль в политической жизни страны. Однако глубокая общественная реакция, вызванная в России польским восстанием 1863 г., заставила их пересмотреть свою точку зрения. Первым из них заговорил на эту тему Огарев. Еще в 1863 г. он заявил, что будущее России находится в руках так называемых разночинцев; в силу своей бли-

зости к народу они призваны быть идейными и политическими вождями народной массы. «С понижением дворянства, — писал Огарев, — силою, умственною силою становятся разночинцы»¹⁷⁰. К этой точке зрения присоединился и Герцен. В 1864 г. в статье «VII лет» он заговорил о «новой России», о «среде, затерянной между народом и аристократией». «Она состоит, — писал он, — из всего на свете — из разночинцев и поповских детей, из дворян-пролетариев, из приходских и сельских священников, из кадет, студентов, учителей, художников; в нее рвутся пехотные офицеры и иной кантонист, писаря, молодые купцы, приказчики... в ней образцы и осколки всего плавающего в России над народным раствором». Этой среде Герцен отводит важную общественную роль. «Ей достается великое дело развития народного быта из неустроенных элементов его зрелой мыслью и чужим опытом. Она должна спасти народ русский от него самого»¹⁷¹. «La roture [разночинцы] — единственная гавань, в которую можно спрыгнуть с тонущего дворянского судна»¹⁷².

С представителями этой «новой России» Герцену и было суждено встретиться в 60-х годах в эмиграции. Казалось бы, в них он должен был найти естественных помощников и продолжателей своего дела. Однако этого не вышло. Встреча революционеров из дворянства с революционерами-разночинцами закончилась разрывом и взаимным озлоблением. И общий строй их жизни и их политические убеждения помешали им сблизиться. Разночинцы принесли с собой глубокую ненависть к дворянству и резкое отрицание всей дворянской культуры, а в Герцене и Огареве они обнаружили слишком много черт, напоминавших об их социальном происхождении. Вина в неумении сработать в видах общей борьбы за дело революции падает на обе стороны. Если Герцен неприязненно, и даже враждебно, отнесся к вполне естественным особенностям того общественного слоя, из которого вышли представители «молодой эмиграции», то и последние также несут ответственность за разрыв, поскольку они, не понимая важного значения идейного «наследства», не хотели взять из дворянской культуры даже того, что было в ней безусловно ценного. При таких условиях мелочи, которые не имели никакого реального значения, на которые не следовало бы обращать внимания, приобретали часто в глазах обеих сторон чрезмерную важность.

«Общее между нами было слишком общее... — писал Герцен в «Былом и думах» о молодых эмигрантах. — О серьезном влиянии и думать было нечего. Болесненное и очень бесцеремонное самолюбие давно закусило удила. Иногда, правда, они требовали программы, руководства, но при всей искренности, это было не в самом деле. Они ждали, чтобы мы формулировали их собственное мнение, и только в том случае соглашались, когда высказанное нами нисколько не противоречило ему. На нас они смотрели, как на почтенных инвалидов, как на прошедшее, и наивно дивились, что мы еще не очень отстали от них»¹⁷³. Нельзя отрицать наличности в этих словах Герцена большой дозы правды. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить характерное свидетельство Л. И. Мечникова о существовании в молодой эмиграции людей, которые ставили Герцена как писателя ниже... Эллидина... «У Эллидина, — говорили они, — только нет остроумия Герцена, но зато сколько же взятых с крестьян денег истрчено на литературное воспитание Герцена»¹⁷⁴.

«Большую частью они, — писал Герцен про молодых эмигрантов, — не имели той выправки, которую дает воспитание, и той выдержки, которая приобретается научными занятиями. Они торопились в первом задоре освобождения сбросить с себя все условные формы и оттолкнуть все каучуковые подушки, мешающие жестким столкновениям. Это затруднило все простейшие отношения с ними»¹⁷⁵.

И в этих словах Герцена нельзя отрицать доли правды. Хорошо известно, что нарочитой грубостью нравов и выражений разночинцы 60-х годов старались подчеркнуть свое отрицание культуры господствующего класса. Это было явление временное, но для эпохи 60-х годов весьма характерное. Очень показательную, хотя, несомненно, и шаржированную картину нравов русских эмигрантов той поры мы находим в воспоминаниях П. Д. Боборыкина. В конце 60-х годов на одном из конгрессов Лиги мира и свободы он встретился с Н. И. Утиным, которого знал еще по Петербургу. Утин был окружен молодыми дамочками и девицами. «Они все, — рассказывает Боборыкин, — говорили друг другу «ты» и употребляли особый жаргон, окликавая себя: «Машка!», «Сашка!», «Варька!». Мне привелось долго вбирать в себя этот жаргон, очутившись с ними в одном вагоне, уже после конгресса. Всю дорогу они желали «эратер» (как говорят французы) умышленной вульгарностью своих выражений. Дорогой они ели фрукты. И все эти дамы не иначе выражались, как: «Мы лопали груши» или «Мы трескали яблоки». Немало был я изумлен, когда года через два в Петербурге встретился в театре с одной из этих дам «лопавших» груши, которая оказалась супругой какого-то не то председателя дворянства, не то председателя земской управы. Эта короста со многих слетела, и все эти Саньки, Машки, Варьки сделались, вероятно, мирными обывательницами»¹⁷⁶.

Герцена не могла не возмущать такая подчеркнутая грубость, и он был склонен придавать ей чрезмерное значение, не понимая, что подобная «болезнь клевизны» — явление скоропреходящее. Художнику Н. Н. Ге Герцен жаловался на то,

что в Женеве без всякой надобности эмигранты кричали ему через улицу: «Герцен! Герцен! Будете дома?», чтобы только показать: «Вот как мы его третируем»¹⁷⁷. А между тем весьма возможно, что у окликавших Герцена вовсе и не было такого намерения, что они и не подозревали о возможности быть понятыми так, как понял их Герцен.

Подобные бытовые мелочи без всякой нужды осложняли взаимные отношения и углубляли рознь, выросшую на почве идейных расхождений. Мы говорили уже о страшном озлоблении Герцена против эмигрантов, доведшего его до ряда глубоко несправедливых отзывов и прямых ругательств по их адресу. Однако, мы знаем и то, что под конец своей жизни Герцен нашел в себе силы преодолеть свое озлобление. Характерно, что при этом он обратился к людям, которых считал самыми заклятыми своими врагами: Утину, Серно-Соловьевичу и Якоби. Такой выбор не был случайным: Герцен хорошо понимал, что эти три человека были наиболее крупными и серьезными людьми в рядах «молодой эмиграции».

С другой стороны, и среди «молодой эмиграции» наметился перелом в отношениях ее к Герцену. Об этом свидетельствует цитированная анонимная брошюра, посвященная памяти Герцена. Автор ее высоко расценивал и личность и политическую деятельность Герцена. Он писал:

«Вся жизнь его представляет удивительно гармоническое целое, угловатости, приходившие извне, сглаживались, перерабатывались и не нарушали целостности характера Герцена... Явятся другие, с горячей любовью к делу, люди честные, энергичные, но того значения, которое имел «Колокола», не будет иметь ни один общепитательный орган, какое бы ни имел крайнее направление. Сила влияния Герцена с 1858 по 1868 год заключалась именно в той сдержанности, упругости его мысли, пластичности выражения ее; он таил в душе, подчас, накопившее негодование, чтобы не истратить до поры напрасной злобой на лиц, которые держали судьбы народа: во имя этого народа он сдерживал себя, говоря с шарем»¹⁷⁸.

Конечно, не все эмигранты и после смерти Герцена разделяли такую точку зрения на него. Тем не менее, анонимная брошюра — явление симптоматическое. Она служит доказательством того, что и среди «молодой эмиграции» начинало складываться более справедливое и объективное отношение к личности и деятельности Герцена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Русские эмигранты». — «Московские Ведомости», 1873 г., № 12. Автором этой статьи, напечатанной без подписи, был упомянутый выше Е. К. Гижикский, деятельный участник студенческого движения 1861 г. в Москве, сосланный в связи с этим в Мензелинск и бежавший оттуда в мае 1863 г. за границу. После печатания статьи «Русские эмигранты», полной сплетен и клеветы на эмиграцию, он получил разрешение вернуться в Россию, о чем ранее хлопотал безуспешно. Его перу принадлежат содержательные и интересные, несмотря на свою тенденциозность, воспоминания о московском студенческом движении 1861 г., напечатанные в 1874 г. в «Гражданине».

² Дело III Отделения, I экспедиции, 1862 г., № 239, ч. 10. Доклад следственной комиссии, лл. 53—54.

³ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», М., 1890 г., стр. 319.

⁴ Н. А. Добролюбов, Дневники. 1851—1859, под ред. В. Полянского, изд. 2-е, М., 1932 г., стр. 256—257.

⁵ Имеются в виду «Письмо из провинции» к Герцену «русского человека», напечатанное в № 64 «Колокола» за 1860 г. и до сих пор многими ошибочно приписываемое Чернышевскому, и ответ Герцена на это письмо.

⁶ «Политические процессы 60-х годов», под ред. Б. П. Козьмина, М.—П., 1923 г., стр. 263—264.

⁷ Отметим, что редакторы «Избранных сочинений» Д. И. Писарева, изд. Гослитиздата, включая его прокламацию в т. I своего издания (стр. 321—326), почему-то сочли необходимым придать ей название прокламации Мошкалова. В действительности же прокламация Писарева не имела никакого заглавия.

⁸ Письмо Ю. Ф. Самарина Герцену от 3 августа 1864 г. — «Русь», 1863 г., № 1.

⁹ О русской колонии в Гейдельберге см. М. Волзовский, Из Гейдельберга, — «Библиотека для чтения», 1864 г., № 4—5; У. Из Гейдельберга, — «Библиотека для чтения», 1864 г., № 6; С. Сватиков, Русские студенты в Гейдельберге, — «Новый журнал для всех», 1912 г., № 12; Ю. Кашкин, В Гейдельбергском университете, — «Голос Минувшего», 1923 г., № 2.

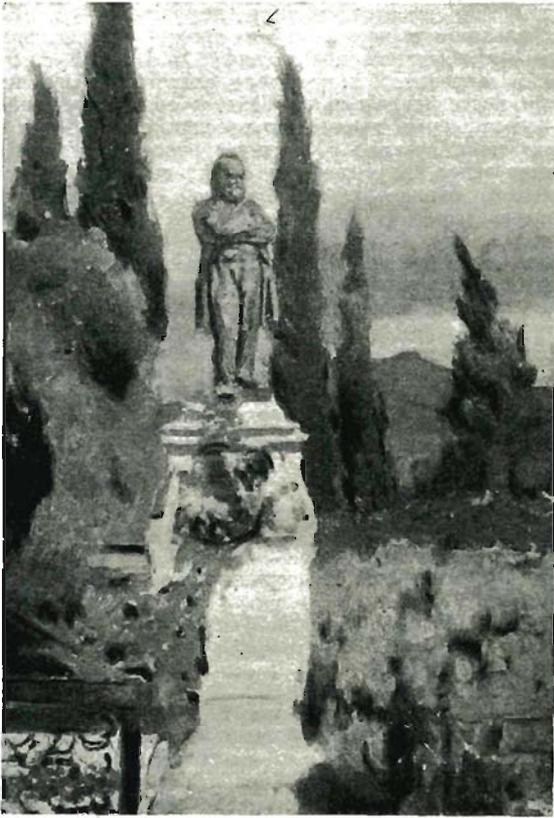
¹⁰ См. записку III Отделения, датированную 30 мая 1863 г., в деле следственной комиссии № 2, В. Политехнической школе в Карлсруэ III Отделение насчитывало русских студентов — 51, но из них с русскими фамилиями было лишь 5—6 человек; остальные же — немцы русского подданства. Студенты Карлсруэ, в отличие от гейдельбергских студентов, не принимали близкого участия в делах эмиграции.

¹¹ В. И. Модестов, Заграничные воспоминания, — «Исторический Вестник», 1883 г., № 2, стр. 399.

¹² Герцен, т. XVI, стр. 72; Л. Ф. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого, ч. I, СПб., 1905 г., стр. 327.

¹³ Герцен, т. XV, стр. 475.

¹⁴ Там же, стр. 474—475; «Воспоминания протоиерея Базарова», — «Русская Старина», 1901 г., № 8, стр. 241—242.



МОГИЛА ГЕРЦЕНА В НИШЕ

Эскиз маслом О. Браза, 1898 г.

Литературный музей, Москва

¹⁵ Письма И. С. Тургенева к К. К. Случевскому опубликованы в «Щукинском сборнике», вып. VII, М., 1907 г., стр. 319—322.

¹⁶ Герцен, т. XIX, стр. 80.

¹⁷ См. показания Константинова в деле высочайше учрежденной следственной комиссии, 1866 г., № 311, «о лицах, участвовавших в деятельности русской читальни, устроенной в Гейдельберге», лл. 30—34.

¹⁸ А. Е. Кауфман, За кулисами печати, — «Исторический Вестник», 1913 г., № 7, стр. 110.

¹⁹ В 1863 г. в № 6 «Современника» Новицкий напечатал свои школьные воспоминания «Кое-что из жизни заскамейной». Впоследствии он сотрудничал в газетах «Голос» и «Новости» и одно время был редактором второй из них.

²⁰ Вышесказанное дело следственной комиссии, лл. 25—27.

²¹ Там же, лл. 70 и следующие.

²² Подробнее о подозрениях насчет Новицкого см. в «Свободном Слове», 1862 г. № 7—8; в № 151 «Колокола», в «Листке, издаваемом кн. П. Долгоруковым», 1862 г., № 2, стр. 14—15 и 1863 г., № 5, стр. 37—38.

²³ См. С. Г. Сватиков, Из воспоминаний о Е. В. де-Роберти, — «День», 1915 г., № 119.

²⁴ С. Г. Сватиков, там же; его же — «Русские студенты в Гейдельберге», — «Новый журнал для всех», 1912 г., № 12, стр. 76.

²⁵ С. Г. Сватиков, Студенческая печать с 1755 по 1915 год. Сборник «Путь студенчества», М., 1916 г., стр. 220.

²⁶ М. Волзовский, Из Гейдельберга, — «Библиотека для чтения», 1864 г., № 4—5, стр. 24.

²⁷ Иначе передает обстоятельства, предшествовавшие прекращению журнала и увольнению де-Роберти и Преженцова из университета, корреспондент «Библиотеки для чтения». По его словам, на похоронах одного студента «наши соотечественники вели себя, нельзя сказать, чтобы прилично, — они продолжали «борьбу партий». В результате этого три представителя петербургской партии, в том числе и издатель журнала [несомненно имеется в виду де-Роберти. — Б. К.] были посажены университетским начальством в карцер, и им грозит увольнение из университета. У. Из Гейдельберга, — «Библиотека для чтения», 1864 г., № 6, стр. 19.

²⁸ Об этом см. в вышецитированном деле следственной комиссии № 2.

²⁹ Л. Г., — автор корреспонденции из Гейдельберга, помещенной в № 135 «Голоса» за 1870 г., — сообщил, что количество русских студентов в этом городе резко понизилось по сравнению с началом 60-х годов; русская читальня уцелела, но влачила жалкое существование. Корреспондент с удовлетворением отмечал, что «изданий, вроде полуразбитого «Колокола» или яростной «Народной Расправы», в читальне, конечно, не получается».

³⁰ Герцен, т. XI, стр. 373.

³¹ Революционная деятельность А. А. Серно-Соловьевича подробно освещена в моей статье «А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в Женевском рабочем движении», напечатанной в «Историческом сборнике» Академии Наук СССР, кн. V, стр. 77—123.

³² Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, М.—Л., 1928 г., стр. 322.

³³ Касаткин перечисляет в этом письме: № 89 «Колокола» со статьей Огарева «На новый год», 2-ую книжку «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне» (Л., 1861 г.) и шестую книжку «Полярной Звезды».

³⁴ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», СПб., 1906 г., стр. 194—195. Подчеркнуто Бакуниным.

³⁵ Герцен, т. XVI, стр. 230—231.

³⁶ Там же, стр. 232—233.

³⁷ Герцен, т. XVII, стр. 15.

³⁸ Герцен, т. XV, стр. 129. Подчеркнуто Герценом.

³⁹ Там же, стр. 369.

⁴⁰ Там же, стр. 474.

⁴¹ Там же, стр. 369, 474, 545.

⁴² Герцен, т. XVI, стр. 489.

⁴³ Там же, стр. 74.

⁴⁴ Это письмо Тхоржевского см. там же, т. XV, стр. 541. Впрочем, М. К. Лемке воспроизводит его с пропусками, которые мы считаем нужным восстановить. После абзаца, кончающегося словами: «без денег etc., etc.» — следовало: «Черкесов вместе с Серно-Соловьевичем уехал [из Лондона] в Париж и с ним в Неаполь. Мих[аил] Алек[сандрович] Бакунин здоров и делен. Насчет записок декабристов, если будут печатать в Лондоне, непременно Чернецкий сделает так, как вам нужно; но вещь еще не решена» [Касаткин просил отпечатать для него несколько экземпляров этой книги на бумаге различных цветов]. После абзаца, кончающегося словами: «продал в Берлин», следовало: «4-ый т[ом] Раскольников на днях выйдет. Я, слава богу, здоров — дай бог только дела как-нибудь устроить и переслать оружие [подчеркнуто Тхоржевским]. Вчера из радости много глупостей я надедал, и потому сильно голова болит. Жду от вас ответа и жму руку вам. Станислав». См. дело следственной комиссии № 67.

⁴⁵ Герцен, т. XV, стр. 568.

⁴⁶ Герцен, т. XVI, стр. 68—69. Подчеркнуто Герценом.

⁴⁷ Там же, стр. 149 и 202.

⁴⁸ Герцен, т. XV, стр. 568.

⁴⁹ Запискам Пиотровского в этом издании предпослано предисловие, подписанное: «Великоруссы». В этом предисловии объясняется цель издания записки Пиотровского в русском переводе. «Желая познакомить русских читателей с записками польских изгнанников и биографией польских мучеников, мы предприняли перевести или сократить с польского самые замечательные из них... Записки польских изгнанников... дадут понятие о том состоянии, в которое звергнута несчастная польская нация, угнетенная, задавленная, растерзанная, но не уничтоженная и не поработанная».

Далее автор предисловия обвиняет русское общество в том, что оно позволяет правительству безнаказанно угнетать поляков.

«Мы, русские, говорим беспрестанно: правительство думает прикрыть отвлеченным и широким словом собственную несостоятельность, слабость, бессознательность и постыдное малодушие. Но что такое правительство? Ведь оно не состоит из

одного Александра Николаевича, который, несмотря на многие свои недостатки, не только не кровопийца и не изверг, но даже добрый человек, неспособный сам рубить безоружный народ, колоть штыками детей и женщин, засекал нагайками до полусмерти. Правительство не состоит также из одних министров, многие из которых люди честные и порядочные. Правительство это совокупность множества людей, занимающих видные и невидные места, следовательно, это значительная часть самого нашего общества». В русском обществе широко распространен один «пред-рассудок». «Он опирается на мнимом т[ак] наз[ываемом] величии России, кот[орое] понимается совершенно превратно и состоит только в том, чтобы ценою крови, общего презрения и негодования всего образованного мира сохранить неприкосновенно свои прежние завоевания, настоящие свои границы... Как будто из того, что мы проливали кровь, желая захватить чужое, следует опять лить кровь, чтобы сохранить чужое... Пусть рус[ские] чит[атели] не смущаются и умеют понять ненависть поляков к москалям... Поляки не имеют понятия о русских, из русских они знают только начальников, грабителей и извергов, которых им присылает петербургское правительство». «Всякий, у кого в груди бьется честное сердце, — продолжает автор предисловия, — у кого в голове есть ум, не огуманенный теориями солдатского самоуправства, поймет, как унижительны и позорны для всей нашей нации неистовства армии и беззакония и жестокости администрации... Мы бы желали, чтобы молодые люди наши, прочитав страницы, исполненные любви к отечеству, научились воздавать честь и почет тем, которые безвестно, один после другого, умирали за независимость, свободу и благо родины, чтобы, одушевленные теми же чувствами, приготовились в случае нужды идти бестрепетно на мучения и казнь за то же святое дело».

Кто был автор этого предисловия, неизвестно.

Он упоминает о своем «долгом пребывании в Варшаве» и, говоря о петрашевцах, причисляет себя к «современникам и ровесникам этих благородных сынов России». В рядах тогдашней эмиграции был лишь один «ровесник» петрашевцев — это В. И. Касаткин, родившийся около 1831 г. Жил ли он «долгое» время в Варшаве, неизвестно, так как биография его до сих пор не изучена. Неопубликованные письма его к Е. И. Якушкину показывают, что он владел польским языком. Таким образом, возможно, что предисловие к запискам Р. Пиотровского было написано им. Однако это только догадка, настаивать на которой нет оснований.

⁵⁰ Герцен, т. XVI, стр. 241.

⁵¹ Там же, стр. 538 и 540.

⁵² Там же, стр. 436.

⁵³ Цитируемые в нашей работе неизданные письма Утина к Герцену и Огареву в фотокопиях находятся в Литературном музее.

⁵⁴ Дело следственной комиссии, № 302.

⁵⁵ Герцен, т. XVI, стр. 516.

⁵⁶ Гжицкий писал о Николадзе: «В Женеве он выдавал себя за какого-то таинственного эмигранта, который даже и словом не может намекнуть на свое политическое преступление. А между тем, все его политическое преступление состояло в том, что он в Петербурге был знаком с одним политическим преступником» (т. е. Чернышевским). «Московские Ведомости», 1873 г., № 14, статья «Русские эмигранты».

⁵⁷ Герцен, т. XVIII, стр. 3.

⁵⁸ Подчеркнуто Утиным.

⁵⁹ «Народное Дело», 1869 г., № 7—10, стр. 110.

⁶⁰ Герцен, т. XVII, стр. 56, 158.

⁶¹ Герцен, т. XVI, стр. 515, 538.

⁶² Там же, стр. 540, 542.

⁶³ Там же, стр. 538.

⁶⁴ Герцен, т. XVII, стр. 344.

⁶⁵ Там же, стр. 63—64, 69.

⁶⁶ Там же, стр. 144—145.

⁶⁷ Подчеркнуто Утиным.

⁶⁸ Герцен, т. XVIII, стр. 150. Об отце Лугинина см. в № 16—18 «Литературного Наследства», 1934 г., стр. 657—678, где помещены отрывки из его дневника, в которых Ф. Н. Лугинин рассказывает о своих встречах в Кишиневе с Пушкиным.

⁶⁹ Дело следственной комиссии, № 67, письмо от 10 мая 1863 г.

⁷⁰ А. П. Сусллова, Годы близости с Достоевским, М., 1928 г., стр. 87. 26 августа 1866 г. Герцен писал сыну о Лугинине: «Он в крайнем озлоблении против России, хочет поселиться в Париже и «если можно», постарается забыть по-русски». Герцен, т. XIX, стр. 44; почти в тех же выражениях сообщает Герцен о Лугинине в письме Огареву от 27 августа 1866 г. (там же, стр. 45—46): «Лугин[ин] в страшном, фанатическом озлоблении на Россию; назад ехать не хочет и старается забыть по-русски».

⁷¹ «Летописи Марксизма», 1927 г., № 3, стр. 92, 94, 97.

- ⁷² Герцен, т. XVII, стр. 333.
- ⁷³ А. П. Суслова, Годы близости с Достоевским, М., 1928 г.
- ⁷⁴ П. А. Гайдебуров, Из прошлого «Недели». — Книжки «Недели», 1893 г., № 1, стр. 16.
- ⁷⁵ О. Хвольсон, Степан Александрович Усов, — «Русская Школа», 1890 г., № 8. Об Усове см. также «Исторический Вестник», 1890 г., № 10, стр. 277; и Д. Д. Языков, Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц, вып. X, М., 1907 г., стр. 76.
- ⁷⁶ Герцен, т. X, стр. 154.
- ⁷⁷ А. П. Суслова, Годы близости с Достоевским, М., 1928 г.
- ⁷⁸ Герцен, т. XVIII, стр. 58, 71.
- ⁷⁹ Не лишенное интереса сообщение о пансионе Шелгуновой мы находим в неопубликованном дневнике Ф. Н. Лугинина, который попал в ее пансион в 1865 г., когда она переехала уже в Женеву; в этом пансионе в то время жил В. Ф. Лугинин, на свидание с которым и приехал его отец, Ф. Н. Лугинин, по приезде в Женеву 27 июля 1865 г., отправился на дачу «Oltromare» по адресу сына. Володя, — пишет он, — я не нашел, он поутру отправился в горы на экскурсию, но я был удивлен, что меня встретили все русские и, именно, один молодой человек Черкесов показал мне прекрасную комнату, приготовленную мне Володи. Оказалось, что это русский пансион, в котором живет несколько приятелей Володи, и где Володя поселился. Дача прекрасная, дом в саду с большими каштанами, грецкими орехами, и другими большими деревьями. Содержит этот пансион одна русская госпожа Шелгунова (sic!), которая теперь в отсутствии, и пансионом этим теперь управляет одна княгиня Голицына, молодая дама, которой Черкесов и представил меня. Черкесов — русский помещик, давно уже живущий за границей. Мы ходили с ним гулять по даче и в самый город Женеву. Потом меня покормили часу в 7-м и часу в 9-м пили чай под председательством княгини Голицыной: я, Черкесов и еще один русский — Якоби. Часу в 10-м пришел я в свою комнату... Часу в 12-м уже возвратился Володя из своей горной экскурсии... У Володи своя комната вместе с Черкесовым». Далее старик Лугинин сообщает, что кроме перечисленных лиц в пансионе жили поляк Ржонский, одно английское семейство и русский, по фамилии Раевский. На другой день отец и сын Лугинины, в сопровождении А. А. Черкесова, ходили к банкиру и по дороге встретили Герцена. «Володя с Черкесовым остановились разговаривать с ним; Герцен заговорил и со мною и подал мне руку; в разговор с ним я вступил, т. е. перемолвились несколькими словами, но от принятия руки его для... (одно слово неразобрано) уклонился». Характерно, что старик Лугинин, прожив в пансионе Шелгуновой полмесяца, не понял, кто его окружает. Ему осталось неизвестным, что Ржонский — польский эмигрант, что Черкесов называл себя «помещиком» лишь потому, что у его родителей был участок земли в Новгородской губ., и что «княгиня Голицына» — сестра известного сотрудника «Русского Слова», а позднее эмигранта В. А. Зайцева, фиктивно вышедшая замуж за кн. А. С. Голицына (причастного к некоторым предприятиям петербургских революционных кругов того времени), а затем оставившая мужа и сделавшая женой П. И. Якоби, вместе с которым она и жила в Женеве.
- ⁸⁰ Гижидский, Русские эмигранты, «Московские Ведомости», 1873 г., № 14.
- ⁸¹ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896 г., стр. 530.
- ⁸² Герцен, т. XVII, стр. 431, 432; т. XVIII, стр. 5—6, 8—9.
- ⁸³ А. А. Серно-Соловьевич, Наши домашние дела. Ответ г. Герцену на статью «Порядок торжествует», Веве, 1867 г.
- ⁸⁴ Об Эллидине и его деле см. Б. Козьмин, Революционное подполье в эпоху «белого террора», М., 1929 г., стр. 11—13.
- ⁸⁵ Сборник «Звенья», кн. 6-я, М., 1936 г., стр. 396—397.
- ⁸⁶ О сотрудничестве эмигрантов в «Колоколе» см. ниже в обзоре М. Клевенского «Герцен-издатель и его сотрудники».
- ⁸⁷ Герцен, т. XVIII, стр. 10. Подчеркнуто нами.
- ⁸⁸ Там же, стр. 14 и 82.
- ⁸⁹ Образец такой акции напечатан там же, стр. 58.
- ⁹⁰ Там же, стр. 57 и 60.
- ⁹¹ Там же, стр. 305.
- ⁹² «Московские Ведомости», 1873 г., № 12.
- ⁹³ Герцен, т. XIX, стр. 64.
- ⁹⁴ Там же, стр. 315, 317.
- ⁹⁵ «Московские Ведомости», 1873 г., № 14.
- ⁹⁶ См. письмо Герцена Ворксу на стр. 273—274, XIX т. сочинений Герцена. М. К. Лемке не удалось установить фамилию адресата этого письма.
- ⁹⁷ Герцен, т. XVIII, стр. 374—381.
- ⁹⁸ Там же, стр. 415—416.
- ⁹⁹ Там же, стр. 218.
- ¹⁰⁰ Эти прокламации см. Герцен, т. XVIII, стр. 383—386. М. К. Лемке вы-

сказывал предположение, что автором прокламации был эмигрант-маньяк А. М. Колобов, который в 1876 г. издавал в Женеве «политико-религиозный» журнал «Вестник Правды». Это предположение совершенно ошибочно, так как Колобов эмигрировал лишь в начале 1876 г., а в 1866 г. находился в России. В 1867 г. он был выслан в Кадников за пропаганду сектантского учения А. Пушкина.

¹⁰¹ Герцен, т. XVIII, стр. 432.

¹⁰² Герцен, т. XIX, стр. 61, 351.

¹⁰³ Там же, стр. 94.

¹⁰⁴ Там же, стр. 96—97.

¹⁰⁵ Герцен, т. XVIII, стр. 429—430.

¹⁰⁶ См. письмо Огарева от 7 февраля 1867 г. — «Литературное Наследство», № 39—40, стр. 429; далее при цитатах из писем Огарева к Герцену, опубликованных здесь, указываем только страницу.

¹⁰⁷ Герцен, т. XIX, стр. 226—227.

¹⁰⁸ См. письмо Огарева от 4 марта 1867 г., стр. 434.

¹⁰⁹ Герцен, т. XIX, стр. 236, ср. стр. 239.

¹¹⁰ См. стр. 430. Подчеркнуто нами.

¹¹¹ Герцен, т. XIX, стр. 275.

¹¹² Там же, стр. 107—133.

¹¹³ Этот факт устанавливается неопубликованным письмом Н. И. Утина к Н. П. Огареву от 14 февраля 1867 г.

¹¹⁴ Герцен, т. XIX, стр. 128.

¹¹⁵ Там же, стр. 126.

¹¹⁶ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 467.

¹¹⁷ Герцен, т. XVIII, стр. 406—407.

¹¹⁸ Герцен, т. XIX, стр. 331—332. Подчеркнуто Герценом.

¹¹⁹ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 314—315.

¹²⁰ Письмо от 25 января 1867 г., см. стр. 426.

¹²¹ Герцен, т. XIX, стр. 192. Подчеркнуто Герценом.

¹²² Там же, стр. 293. Подчеркнуто Герценом.

¹²³ Эту брошюру мы перепечатаваем ниже, стр. 165—177.

¹²⁴ Герцен, т. XIX, стр. 308.

¹²⁵ См. письмо от 1 января 1868 г., стр. 483.

¹²⁶ Герцен, т. XX, стр. 128.

¹²⁷ Там же, стр. 164.

¹²⁸ 11 августа 1869 г. Герцен писал Огареву о Трусове, бывшем секретарем «Народного Дела»: «Вели ему сказать, что за минованием интереса, я прошу возратить мою статью» (Сочинения, т. XXI, стр. 422—423). В другом письме, от 13 декабря 1869 г., Герцен просил Огарева достать через Жуковского «рукопись моей статьи, которую Утин обещал напечатать, или хоть набор, который я поправлял». При этом Герцен добавлял: «После тридцатилетнего путешествия по балам и дебрям журналистики, русской и парижской, я в первый раз встретил грубый прием своей статье, идущий до того, что редакция даже не извинилась в непопадении и не отметила, что она имела статью. Это делал Биолоз, Делеклюз, не говоря о Прудоне. Этого не сделал канцлер редакции Трусов» (там же, стр. 535).

¹²⁹ Цитирую письмо Утина по фотоснимку с заверенной Трусовым и пересланной им Герцену копии этого письма. Фотоснимок хранится в настоящее время в Литературном музее.

¹³⁰ См. письмо Герцена Утину в собр. соч., т. XXI, стр. 414—415. Публикуя это письмо, М. К. Лемке не установил, кому оно адресовано, и потому напечатал его как письмо «к неизвестному».

¹³¹ М. О. Гершензон, Письма к брату, М., 1927 г., стр. 150—151.

¹³² См. стр. 176 настоящего тома.

¹³³ Сведения о времени заграничной поездки В. Ф. Лугинина заимствуем из неопубликованного дневника его отца.

¹³⁴ Герцен, т. XXI, стр. 229 и 231.

¹³⁵ Там же, стр. 364.

¹³⁶ См. письмо от 30 апреля 1869 г., стр. 554.

¹³⁷ Письма от 1 и 3 апреля 1869 г., см. стр. 545—546. Подчеркнуто мною. Послание к студентам, полученное Огаревым и им направленное немедленно в типографию, — прокламация «Студентам университета, Академии и Технологического института в Петербурге», подписанная — «Ваш Нечаев». Эта прокламация перепечатана в «Правительственном Вестнике», 1871 г., № 163, в отчете о процессе нечаевцев и в статье С. Сватикова, Студенческое движение 1869 г., в сборнике «Наша страна», СПб., 1907 г., стр. 228—231. Вопреки предположениям некоторых историков, доказывавших, что эта прокламация была в действительности написана не Нечаевым, а Бакуниным, письма Огарева к Герцену бесспорно устанавливают, что автором ее был Нечаев и что она была написана им до знакомства с Бакуниным.

¹³⁸ Газета «Неделя» в это время была приостановлена правительством.

¹³⁹ Письмо от 7 апреля 1869 г., см. стр. 547.

- ¹⁴⁰ Проект этой прокламации мы находим в письме Огарева Герцену от 12 апреля 1869 г., см. стр. 548.
- ¹⁴¹ См. письмо Герцена Огареву 16 апреля 1869 г. (Герцен, т. XXI, стр. 365—366).
- ¹⁴² Эта прокламация («Русские студенты») неоднократно перепечатывалась («Правительственный Вестник», 1871 г. № 163; сборник «Наша Страна», стр. 223—224, и др.). Обычно она ошибочно приписывалась Бакунину.
- ¹⁴³ Прокламация «Наша повесть», мало кому из исследователей известная, перепечатывается в настоящем томе «Литературного Наследства», в составе публикации Е. Н. Кушевой, стр. 121.
- ¹⁴⁴ См. стр. 554.
- ¹⁴⁵ Герцен, т. XXI, стр. 372.
- ¹⁴⁶ Там же, стр. 374—375. Подробнее об этом см. в комментариях Е. Н. Кушевой к «Нашей повести», стр. 127—128.
- ¹⁴⁷ Письмо от 5 мая 1869 г., стр. 555.
- ¹⁴⁸ Герцен, т. XXI, стр. 356, М. К. Лемке ошибочно относит этот отзыв к прокламации Огарева «Русские студенты».
- ¹⁴⁹ Н. А. Огарева-Тучкова, Воспоминания, Л., 1929 г., стр. 411. Т. П. Пассек, со слов той же Н. А. Огаревой, пишет: «Нечаев был до того антипатичен Герцену, что он постоянно отдалял его и никогда не допускал в свое семейство. Если же Нечаев появлялся у него в доме, то говорил своим: «Ступайте куда хотите — вам незачем видеть эту змею». Т. П. Пассек, Из дальних лет, т. III, СПб., 1889 г., стр. 143.
- ¹⁵⁰ Подробнее об этом см. Б. Козьмин, С. Г. Нечаев и его противники в 1868—1869 гг., — в сборнике «Революционное движение 1860-х годов», М., 1932 г., стр. 204—216.
- ¹⁵¹ Герцен, т. XXI, стр. 377.
- ¹⁵² Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, Л., 1929 г., стр. 409.
- ¹⁵³ Герцен, т. XXI, стр. 409, 411—412.
- ¹⁵⁴ Обе эти прокламации впервые перепечатываются в настоящем номере «Литературного Наследства». В комментариях к ним Е. Н. Кушевой дано обоснование вероятного авторства Огарева. См. стр. 129—131 и 139—145.
- ¹⁵⁵ Герцен, т. XXI, стр. 534.
- ¹⁵⁶ Там же, стр. 409.
- ¹⁵⁷ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 360.
- ¹⁵⁸ Герцен, т. XXI, стр. 549. По сообщению Г. П. Пассек, Герцен боялся, что Нечаев убьет его, получив отказ в выдаче остатка бахметевского фонда. «Из дальних лет», т. III, стр. 143.
- ¹⁵⁹ «Письма М. А. Бакунина», стр. 369. Подчеркнуто Бакуниным.
- ¹⁶⁰ Ряд этих прокламаций впервые перепечатывается в настоящем номере «Литературного Наследства»; см. стр. 140—141. Прокламация к дворянству (в двух вариантах) была перепечатана мною в «Красном Архиве», 1927 г., т. XXII. Прокламацию Нечаева «Русским студентам» см. в «Красном Архиве», 1929 г., т. XXXIII. «Лист до громади» был воспроизведен в № 2 «Колокола», 1870 г.
- ¹⁶¹ Все эти 6 номеров были переизданы в 1933 г. Издательством политкаторжан.
- ¹⁶² Р. М. Кантор, В погоне за Нечаевым, 2-е изд. Л.—М., 1925 г., стр. 66 и 78.
- ¹⁶³ Библиографический каталог. Профили редакторов и сотрудников, Женева, 1906 г., стр. 12.
- ¹⁶⁴ Письмо Маркса к Энгельсу от 11 мая 1870 г. Сочинения, т. XXIV, стр. 341.
- ¹⁶⁵ «Записка Семена Серебrenникова», — «Каторга и Ссылка», 1934 г., № 3, стр. 42.
- ¹⁶⁶ Там же, стр. 20.
- ¹⁶⁷ Там же, стр. 46.
- ¹⁶⁸ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 208.
- ¹⁶⁹ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 402.
- ¹⁷⁰ См. об этом подробнее в моей вступительной статье к публикации «Из публицистического наследия Н. П. Огарева», в № 39—40 «Литературного Наследства», стр. 310.
- ¹⁷¹ Герцен, т. XVII, стр. 298—299. Подчеркнуто Герценом.
- ¹⁷² Герцен, т. XXVIII, стр. 106.
- ¹⁷³ Герцен, т. XIV, стр. 413.
- ¹⁷⁴ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 322—323.
- ¹⁷⁵ Герцен, т. XIV, стр. 419.
- ¹⁷⁶ П. Д. Боборыкин, За полвека, М.—Л., 1929 г., стр. 335—336.
- ¹⁷⁷ Ч. Ветринский, Герцен, СПб., 1908 г., стр. 406.
- ¹⁷⁸ Автором этой брошюры был, по всем вероятиям, Варфоломей Зайцев; см. ниже мою публикацию «Анонимная брошюра о Герцене 1870 г.» (стр. 164 сл.).